ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Год издания 32-й
№ 65 (4190)
Четверг,
2
июня
1960 г.

Цена 40 коп.

АЛЫЕ КОСЫНКИ

КОМУ ПЕРВОЙ из тридцати двух женщин бригады коммунистического труда механосборочного цеха Ростсельмаша пришла в голову эта мысль?.. Трудно сейчас это установить. Но на первую же премию они все купили синие халаты и красные косынки. Кто-то по первому впечатлению сказал: бригада алых косынок. С той поры это название прочно утвердилось за ними. Но синие халаты и красные косынки — это только внешняя примета. Бригаду объединяет стремление жить, работать и учиться так, чтоб с честью нести звание коммунистической.

На снимках: вверху — *Валя ЮНИЧЕНКО. Сегодня она токарь, и очень хороший токарь. Но через два года она будет техником-машиностроителем.*

Слева — *у географической карты собрались будущие студенты. Они пока учатся на подготовительных курсах.*

Справа — *Шура РАЗДОВОДИНА в день рождения надевает часы, только что полученные в подарок от всей бригады.*

Сайрус Итон: РАЗУМ ПОБЕДИТ!

— НУ, Я ДУМАЮ, до суда дело все-таки не дойдет. — Высокий, добрый, но седой и (всмотревшись, замечаешь это) очень пожилой человек, сидящий напротив меня, добродушно смеется. — Правда, сенатор Додд выступил довольно грозно, но из доброй сотни сенаторов его поддержали всего, кажется, два человека. Так что, право же, я чувствую себя в безопасности, несмотря на гнев Додда...

Сайрус Итон спокойно говорит о нападках известного мракобеса и ярого сторонника усиления «холодной войны» американского сенатора Додда. Этот последний потребовал предания Сайруса Итона суду за его борьбу во имя мира во всем мире. Словам Сайруса Итона свойственны уверенность и ясность. Вдумчиво и четко отвечает он на каждый вопрос, нередко увлекается понравившейся темой, никогда не упустит случая сострить, пошутить. К его словам всегда прислушиваются с особым вниманием, ибо за ними не только огромный жизненный опыт, не только встречи и беседы со многими выдающимися и влиятельными людьми нашего времени, но и широкое международное признание заслуг в том главном деле, которым живет сейчас все человечество, — в деле борьбы за мир. Признание это выразилось в присуждении ему международной Ленинской премии за укрепление мира между народами.

— Какова цель моей нынешней поездки? Я и моя жена в последнее время много размышляли о необходимости и возможности установления дружеских связей между США и странами народной демократии. Подобные связи представляются нам важными и нужными — ведь информация, которой мы располагаем о странах народной демократии, далеко не всегда достаточна и, к сожалению, не всегда верна. Поэтому мы решили убедиться своими глазами, каково же положение в политической, экономической и культурной жизни этих стран. Нас интересуют проблемы развития промышленности и сельского хозяйства, достижения культуры, постановка высшего образования — словом, все. В Советский Союз я намереваюсь приехать в сентябре. На это время планируются заседания «пагуошской» конференции в Москве.

Мы беседуем с Сайрусом Итоном у него в номере на десятом этаже высотной пражской гостиницы «Интернациональ». Сайрус Итон встает и подходит к окну, из которого открывается широкий вид на чехословацкую столицу.

— Прекрасный город, — говорит он, — прекрасная страна, привлекающая и своим богатым историческим прошлым, и своим настоящим.

Сайрус Итон провел здесь несколько дней, для него это — буквально открытие народно-демократической Чехословакии. «Я поражен тем, что увидел», — не раз повторял он. Сайрус Итон побывал в Лидице — селе, некогда стертом гитлеровцами с лица земли. «Я надеюсь, что разум человека победит и станет решающей силой, которая будет определять поведение людей, — сказал Сайрус Итон после этой поездки. — Посещение Лидице — незабываемое глубокое переживание, которое побуждает меня к дальнейшей работе для дела мира и дружбы между народами».

Американский промышленник ходил по пражским улицам, пристрастно рассматривал окружающее, дышал одним воздухом с людьми, для которых слово «капитализм» часто относится к категории полуотвлеченных понятий. Стремление увидеть как можно больше, самому во всем разобраться и оценить — привело его на юбилейную выставку «Чехословакия. 1960», посвященную 15-летию со дня освобождения страны. «Я хотел бы, чтобы ее могли увидеть мои американские и канадские друзья. Они узнали бы, как счастлив народ Чехословакии и какое прекрасное у него будущее».

— Я побывал и на вашей выставке, открытой здесь, — говорит мне Сайрус Итон. — Она очень интересна. СССР — пример для остального мира.

Я спрашиваю Сайруса Итона о его пражских встречах.

— О, их было очень много! И прежде всего — с простыми людьми. Они хорошо одеты, довольны жизнью, не боятся за завтрашний день, попросту говоря, счастливы. Мне довелось беседовать с целым рядом общественных деятелей, министров, педагогов; эти беседы были полезными и содержательными. Но самая яркая встреча — это, конечно, знакомство с президентом Чехословацкой Республики Антонином Новотным. Президент — очень динамичный человек, подкупающий тем, что он говорит, во-первых, искренне, а во-вторых, убедительно. Было бы хорошо, если бы А. Новотный приехал к нам в США и обратился к сотням тысяч американцев, в частности — к американцам чешского и словацкого происхождения.

Речь заходит о животрепещущих проблемах международной жизни, о наиболее примечательных событиях последнего времени. Сайрус Итон сдержан и осторожен в выражениях. «Вы знаете, — говорит он, — будучи за границей, всегда в какой-то степени чувствуешь себя представителем своего государства».

— Но тем не менее, — продолжает Сайрус Итон, — ничто не помешает мне сказать, что разведывательные полеты американских самолетов над территорией Советского Союза — недружелюбная, вредная акция, она может стать искрой, вызывающей пожар. Я хотел бы надеяться, более того — хотел быть убежденным, что впредь подобные полеты никогда не повторятся.

Что касается позиции президента Эйзенхауэра, занятой им во всем этом прискорбном инциденте и в Париже, — как ее можно назвать? Я бы рад сказать о нем хорошие слова, но думаю, что он был явно не прав. Нужно глубже оценивать следствия тех или иных поступков, оказывающих серьезное влияние на международную обстановку.

Если говорить о том, что можно сделать человечеству в самое ближайшее время для оздоровления отношений между народами, то я бы выделил два момента. Первое — необходимо полностью и навсегда отказаться от атомного и термоядерного оружия, уничтожить запасы бомб, прекратить ядерные испытания. Я знаю, что Советский Союз готов пойти на это. Соединенные Штаты должны последовать вашему примеру. Второе — нужно всячески развивать различного рода связи между странами. Я деловой человек, всю свою жизнь провел среди деловых людей. Поэтому понятен мой интерес к международному обмену, международной торговле. Они должны быть самыми широкими и свободными, не знающими никаких ограничений. Нужно наладить торговлю между США и странами народной демократии.

— Что вы думаете о реакции в США на срыв совещания в верхах?

— Полагаю, что эта реакция еще скажется на нашей политике. За последние годы в Соединенных Штатах наблюдался значительный прогресс в улучшении взаимоотношений между Западом и Востоком. Этим прогрессом мы обязаны поездкам в нашу страну советских лидеров, в первую очередь Хрущева. Они сумели оказать сильное влияние на общественное мнение. Думаю, что в США усилится стремление к улучшению отношений между СССР и Америкой. Здесь нужна большая работа. Не следует забывать, что нередко американцы плутают в политических проблемах, как дети в лесу. Не сразу и не всякого убедишь в том, что стало моим глубоким, основанным на знании, убеждением: Советский Союз и страны социалистического лагеря не хотят войны, всеми средствами борются против нее. Разговоры о «внезапном нападении» с их стороны — досужий миф. Я надеюсь, что эта истина будет легче усваиваться в нашей стране после предстоящих президентских выборов. Надо полагать, что эти выборы основательно изменят состав людей в государственном департаменте, министерствах, посольствах и прочих руководящих инстанциях. Тогда, может быть, мы поймем, как нелепо уподобляться старику, который, боясь, как бы его не задавило автомобилем, хотел покончить самоубийством. Хочется верить, что в недалеком будущем мы будем проводить такую политику, которая позволит нам признать Китай с его 650-миллионным населением. Это нужно сделать обязательно. Кто победит на предстоящих выборах? Мне кажется, представитель демократической партии.

— Расскажите, пожалуйста, о вашей последней встрече с Н. Хрущевым во Франции, — прошу я.

— Это была большая радость для меня и моей жены, — оживляется Сайрус Итон. — Хрущев был необыкновенно мил и внимателен к нам. Мы обрадовались тому, что он так превосходно выглядит. Ваш премьер — человек большой культуры, удивляющий широтой и богатством знаний и информированностью. Ему хорошо известно, что происходит в мире. У меня есть великолепные снимки, я сфотографирован на них с Хрущевым. Сейчас покажу их...

Сайрус Итон на секунду выходит в соседнюю комнату и возвращается, огорченно разводя руками.

— Увы, снимки в багаже, а багаж уже на аэродроме. Впрочем, извините, мне тоже уже пора двигаться.

Действительно через каких-нибудь полтора-два часа начнется новый этап его путешествия.

— Знаете что, — говорит мне Сайрус Итон, — поедемте вместе на аэродром. Может быть, там договорим...

И уже на аэродроме я задаю Сайрусу Итону последний вопрос:

— Что бы вы хотели передать читателям «Литературной газеты»?

— Я хотел бы сказать им следующее: ваша страна обширна и богата. Ее будущее блистательно. Я восхищаюсь достоинствами советского народа и в первую очередь его энергией и трудолюбием. У вашего народа очень талантливые руководители. Уверен, что советский народ любит мир, что американцы ответят симпатией на проявление доброй воли с его стороны.

Мы будем друзьями и будем вместе работать на благо всего человечества.

До встречи в Москве!

Ю. ГАВРИЛОВ

ПРАГА

Заботы Терентия Мальцева

Леонид ИВАНОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В августе 1954 года всесоюзное совещание ученых и практиков сельского хозяйства, состоявшееся в селе Мальцево, одобрило новаторский метод Т. С. Мальцева.

Высоко оценил метод Мальцева и министр сельского хозяйства СССР В. В. Мацкевич (тогда еще заместитель министра) в своем выступлении, подводившем итоги совещания. В единогласно принятом постановлении говорилось: одобрить и рекомендовать для широкого внедрения метод Мальцева в совхозном и колхозном производстве.

Прошло почти шесть лет. Из публикуемой сегодня статьи нашего специального корреспондента Леонида Иванова видно, что даже в ближайших к колхозу «Заветы Ленина» районах Сибири метод Мальцева не получил широкого распространения.

Чем объяснить это? Почему в продолжение шести лет так слабо внедряется новаторский опыт, единодушно одобренный учеными и специалистами сельского хозяйства?

Мы охотно предоставим место на страницах нашей газеты для выступления на эту тему министру сельского хозяйства СССР тов. В. В. МАЦКЕВИЧУ и президенту Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина тов. П. П. ЛОБАНОВУ.

ВПЕРЕДИ показалось Мальцево. С пригорка видны лишь двухэтажные дома. Одно знакомое здание — школа. А чуть левей — новое, очень большое, с него не сняты еще стропильные леса.

— Дворец культуры! — не без гордости произносит водитель. — Тут будет и клуб, и магазины, и гостиница, и библиотека. Миллион двести тысяч!..

— Богатеете?

— Хлебушко сильно выручает. В прошлом году хлеба продали почти на четыре миллиона! На денежную оплату перешли...

В последний раз мне довелось быть в Мальцеве в пятьдесят четвертом году. Тогда приезжие обращали внимание на соломенные крыши, на состарившиеся избушки. Теперь Мальцево совсем не то. На всех четырех улицах добрая половина домов — свежерубленые, под железной либо шиферной крышей. И все новые дома — только добротные пятистенники. Да и старые заметно подновились — перекрыты шифером. А сколько еще строится, а сколько вокруг кирпичных фундаментов! Тесновато стало домам на четырех улицах — зачалась пятая. Потянулась вдоль сада, потому и названа Садовой.

А вот и еще одна примета богатства: в стороне от деревни поблескивают на солнце серебристые крыши огромных корпусов фермы. Ближе — множество комбайнов, тракторов, в недавнем прошлом таким обилием машин могла похвастаться далеко не каждая МТС.

...Терентий Семенович поднял нас, гостей, рано утром и вскоре знакомил со своими машинами.

Он мало изменился за эти годы: как и прежде, чуть-чуть сутуловатый, худощавое лицо, голубые глаза полны задора. Но виски заметно побелели. А когда снял фуражку, чтобы смахнуть пот со лба, обнаружилось, что заметно поредели черные волосы. В руке появилась деревянная трость.

— Это вот то, что нам нужно, — сказал он, показывая на шестикорпусный безотвальный плуг. — Долго выполняли наш заказ, но теперь все в порядке... А это — соломокопнитель...

Машины все необычные. Они изготовлены по заказу Мальцева для новой системы обработки почвы: катки — кольчатые, а бороны — лапчатые. Диски у лущильников языковатые... Однако и эти диски не совсем удовлетворяют Мальцева. Достав из кармана кружочек жести с выгнутой полоской посредине, он говорит, что диски нужны такие, чтобы они не выворачивали землю, а лишь рыхлили ее, и что такие диски уже заказаны в Новосибирске.

Наш путь лежит в поля. Нынче весна в Зауралье ранняя, земля подсыхает быстро. Но попробуйте шагнуть на паровое поле, обработанное по-мальцевски! Вот оно: черное, без единой соринки, и коварное: ступишь — и провалишься по колено.

— Влагой запаслось — это хорошо, — констатирует хозяин полей. — Сюда с бороной и сеялкой не скоро заберешься. А это тоже хорошо!

Перейдя в соседнее поле, Терентий Семенович то и дело втыкает трость в землю. Объясняет нам: и в прошлом году по лущевке сеяли, а пшеничку взяли по двадцати семи центнеров... Но вот убрали худо, с потерями: осень была сильно дождливая.

Вернувшись на усадьбу, Мальцев заходит в лабораторию опытной станции, просматривает анализы почвы.

Он — директор станции, но вот кабинета у него нет. Обойдя все комнаты, отдав распоряжения помощникам, снова садится в машину и везет нас на экспериментальный участок. Тут испытываются сотни различных сортов зерновых культур, проверяется новая система обработки целинных и залежных земель.

Два поля, разделенные неширокой дорогой. По левую руку поле двадцатилетней залежи обрабатывалось по общепринятым сейчас приемам. А по правую — точно такая же залежь обрабатывается лишь поверхностно, дисковыми лущильниками.

Терентий Семенович с силой втыкает трость в землю, но она не хочет углубляться — здесь рыхлился лишь десятисантиметровый слой, а глубже — все еще целина.

Каковы же здесь урожаи? Оказывается, почти одинаковые, с небольшим преимуществом в пользу лущевки. Но зато затраты труда и средств на лущевку почти в два раза ниже!

— Однако главное не в этом, — замечает Терентий Семенович. — Анализы показывают, что на том поле, которое только лущили, запас питательных веществ за эти семь лет не снизился, а где пахали — там заметно иссяк.

Под вечер Терентий Семенович пригласил нас к себе. В небольшой комнате три больших шкафа, два стола, деревянная кровать. На столе — три телефонных аппарата. Тут же высокие стопки книг. И все три шкафа забиты книгами. Именно забиты! Книги уложены так плотно, что вместить туда даже тоненькую брошюрку нет никакой возможности. В личной библиотеке Терентия Семеновича уже более пяти тысяч книг.

Нам, конечно, хочется, чтобы хозяин поскорее ответил на некоторые общие вопросы: над чем работает станция, что задумано на ближайшее будущее? А хозяину, как видно, хочется, чтобы мы поняли суть его поисков. Он достает из шкафа все двенадцать томов сочинений В. Р. Вильямса и заставляет нас по очереди читать вслух подчеркнутые им строки. А подчеркнутые места — то жирно, то тонко, то синим, то красным, то зеленым — есть почти на каждой странице.

— Моя беда в том, что я слишком долго верил в незыблемость высказываний Вильямса, — замечает Терентий Семенович. — Долгое время не признавал иных севооборотов, кроме травопольных, как это рекомендовал Вильямс. Мы первыми в районе освоили его севообороты... И что досадно! Ивана Владимировича Мичурина я узнал много раньше, чем Вильямса, ездил к нему еще в тридцать первом году и знал о его высказываниях. Вот смотрите... «Мои последователи должны опережать меня, противоречить мне, даже разрушать мой труд, в то же время продолжая его».

Захлопнув книгу, он мгновение глядит на нас, потом ставит книгу на свое место, берет взамен том Вильямса, находит страницу, протягивает книгу очередному чтецу:

«...пределы развития науки, пределы нашего познания законов природы и возможности их регулирования остаются по существу безграничными...».

— Понимаете, что получается? Здесь Василий Робертович говорит как подлинный материалист, а вот на этой странице сам себе противоречит...

«Поэтому однолетние растения ни при каких условиях не могут накопить в почве перегной, — наоборот, для их питания мы должны разрушать перегной и растительные остатки».

— Видите, как! — оживляется Терентий Семенович. — То нет пределов познанию законов природы, то безоговорочное утверждение. Все это потому, что Вильямс на слово поверил Либиху... Еще смотрите.

«Оправдываются слова Либиха, высказанные им около 100 лет назад: «Нет более прямого пути к абсолютному обнищанию народа, чем непрерывная культура однолетних растений».

— А мы в своем севообороте возделываем только однолетние растения, и урожаи растут! Растут! Значит, плодородие не уменьшается...

Да, мы уже знаем об этом. За десять лет до введения мальцевских севооборотов колхоз собрал в среднем по одиннадцати с половиной центнеров зерна с гектара. Урожай неплохой — такому и сейчас еще может позавидовать не одна область. Но вот за последние одиннадцать лет, когда на полях стала внедряться мальцевская система, средний урожай составил уже девятнадцать центнеров с гектара. Рост на восемь центнеров! И при этом нельзя забывать, что пока под зерновые культуры ни разу не вносились какие-либо удобрения. И еще надо помнить, что за эти годы посевная площадь в колхозе за счет укрупнения артели возросла почти вчетверо! В присоединившихся колхозах урожаи были почти в два раза ниже, — и тем не менее самый высокий урожай собран в 1959 году — по двадцать три центнера с каждого из 4 200 гектаров!

Терентий Семенович достает все новые и новые книги, заставляет нас читать отмеченные им строчки. И все яснее становится, что за плечами этого человека не только полсотни лет пытливого наблюдения за природой и дружбы с землей, но и несметное множество дней и ночей, проведенных за книгами.

Но над какими же проблемами сейчас, сегодня работает опытная станция? Мы уже знаем, что здесь испытываются сотни сортов различных культур, знаем, что апробируется несколько севооборотов: трех-, четырех-пяти-, шестипольные.

Что удалось выяснить?

Терентий Семенович говорит, что их предположение о роли однолетних растений в повышении почвенного плодородия полностью подтвердились.

А что еще?

— Есть у нас своя целина, — замечает он. — Надо осваивать занятые пары! Правда, и чистые пары в полной мере оправдывали себя, и мы не искали им замены. На декабрьском Пленуме Н. С. Хрущев назвал землю, отводимую под чистый пар, своего рода целиной, требующей освоения. Мы поразмыслили и согласились. Да, это действительно «целина»!

(Окончание на 2-й стр.)

ИДЕТ ДЕКАДА!

СЕДЬМОЙ день москвичи знакомятся с искусством и литературой наших молдавских гостей. И не только москвичи, но и рязанцы тоже увидели большой концерт ансамбля народного танца «Жок». Участники этого танцевального коллектива с успехом выступили в Рязани в театре имени Сергея Есенина.

На экранах кинотеатров Москвы демонстрируются в эти дни работы студии «Молдова-фильм» — художественные и документальные кинокартины. Зрители очень тепло встретили новый художественный фильм «Колыбельная», снятый молодым режиссером Михаилом Каликом, музыкальное кинообозрение «Молдавские напевы», цветной фильм «Не на своем месте», кинокомедию «Я вам пишу...», картину «Атаман кодр».

Многочисленных слушателей привлекают концерты хоровой капеллы «Дойна», в программе которых и чудесные молдавские народные песни, и классическая музыка — Моцарт, Бетховен, Рахманинов, Шостакович. Впервые участвует в декаде Молдавский эстрадный оркестр под руководством народного артиста МССР Ш. Аранова. Большой интерес вызвали произведения композиторов Молдавии, в исполнении Молдавского симфонического оркестра. Концерты будут повторены 2 июня в большом зале Консерватории имени П. И. Чайковского, 3 июня — в Центральном парке культуры и отдыха имени Горького, 4 июня — в Сокольниках.

Посещение руководителями партии и правительства выставки «Советская Россия»

Полтора месяца назад в Центральном выставочном зале Москвы открылась выставка «Советская Россия». Она пользуется заслуженным успехом у любителей изобразительного искусства. Ежедневно в залах на Манежной бывает до семи тысяч зрителей.

1 июня выставку «Советская Россия» посетили товарищи А. Б. Аристов, Л. И. Брежнев, Н. Г. Игнатов, Ф. Р. Козлов, О. В. Куусинен, Н. А. Мухитдинов, Д. С. Полянский, Е. А. Фурцева, Н. С. Хрущев, Н. М. Шверник, П. Н. Поспелов.

Гостей принимали и давали им пояснения художники В. А. Серов, Б. В. Иогансон и другие, а также министр культуры РСФСР А. И. Попов.

О ПИЩЕ ДУХОВНОЙ, КАК ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ...

СЛОВО МИНИСТЕРСТВУ

14 мая «Литературная газета» рассказала о почине партийного актива, работников культуры и интеллигенции Павловского района Краснодарского края: кубанцы составили широкую программу эстетического воспитания и решили создать межколхозный фонд культуры и искусства и Межколхозный совет культуры и искусства.

Уже в нынешнем году в этот фонд отчисляется один процент колхозных доходов, что составит около миллиона рублей.

Министр культуры РСФСР А. И. Попов сообщил редакции, что коллегия Министерства культуры РСФСР обсудила на своем заседании инициативу кубанцев, одобрила создание Межколхозного совета и поручила главным управлениям министерства оказать всемерную помощь общественным организациям Павловского района.

Надежда НАДЕЖДИНА, народная артистка РСФСР, художественный руководитель ансамбля «Березка»

БЕЗ СКИДОК!

Вы спросили, как мы относимся к идее кубанцев проводить сельские театральные и концертные сезоны.

А мне вспомнился один случай. Это был концерт в Колонном зале для передовиков сельского хозяйства. В первом ряду сидел такой седой старик с огромной бородой.

Когда ансамбль исполнил «Северный хоровод» — спокойный, медленный, плавный танец, — он вдруг громко проговорил:

— Молодцы, молодцы, честно поработали!

А в Краснодаре после окончания шефского концерта, который мы давали для колхозных ударников, весь зал поднялся и люди кричали: «Спасибо!»; вы понимаете, не «бис», а «спасибо»!

Ну, как же не стремиться к этим людям, как не хотеть выступать перед ними?! Конечно, я — за!

Но вот когда у нас увлекаются чрезмерностями и вынуждают идти по линии упрощений и сокращений, «лишь бы провести мероприятие» и поставить птичку в плане: на селе выступил, — тут я — против.

Каждый концерт должен быть на максимальном художественном уровне, без скидок на то, что «это для села».

Александр МЕЛИК-ПАШАЕВ, главный дирижер Большого театра, народный артист СССР

Я — З А!

«Первосортную культуру» — на село! Это огромное трудоемкое дело, и чтобы успешно справиться с ним, мне кажется, не следует замахиваться сразу на грандиозное; нужно упорно и, главное, последовательно нести искусство сельскому зрителю.

Думается, что начинать надо не с гастролей музыкального театра в целом, а с концертных бригад — с участием солистов-певцов, инструменталиста, балетной пары и т. д. Я уверен, что наш театр с радостью откликнется на призыв павловцев и сможет такие бригады организовать!

Было бы также полезно такие концерты сопровождать краткой лекцией-пояснением.

Мне представляется дело так: скажем, начать с более простых, доступных романсов Глинки, Даргомыжского, потом перейти к творчеству композиторов «могучей кучки» и закончить Рахманиновым, Скрябиным, Танеевым.

У нас в ходу концертные бригады по городам. И, думаю, правильно поставили вопрос павловцы в «Литературной газете»: пора в том же масштабе, а может быть и в большем, нести музыкальные знания на село.

Я со своей стороны с радостью приму в этом участие,

Каким ты будешь, советский город?

КАК ЖЕ НАМ ОТНОСИТЬСЯ К КОНСТРУКТИВИЗМУ В АРХИТЕКТУРЕ?

СОВЕТСКОЕ зодчество снова выходит в авангард мировой архитектуры. Зодчие отказались от создания напыщенных, декоративных, псевдоклассических сооружений, так дорого обходившихся нашему народу и так тормозивших развитие советской архитектуры и строительной техники.

Миллионы жилых и общественных зданий, освобожденных от груза излишеств, подымаются во всех уголках нашей Родины на благо советскому человеку. Коренным образом меняется архитектура наших зданий. Основное ее направление — это строгая простота, стремление достичь привлекательности за счет благородства пропорций здания в целом, за счет цвета, фактуры и качества выполнения.

— Позвольте! — восклицают многие архитекторы и неархитекторы, особенно старшего поколения. — Ведь все это уже было! Мы это уже видели и читали в двадцатых и начале тридцатых годов!

Подобные возгласы часто слышатся на выставках конкурсных проектов. Так ли это? Действительно ли явления, которые теперь происходят в советской архитектуре, представляют собой повторение давно пройденного или механическое копирование заграничных образцов?

Думается, что ничего подобного. Советская архитектура 1960 года, несмотря на элементы схожести, напоминает советскую архитектуру 1930 года не более, чем, например, современная железобетонная арка напоминает древнеримские арки и своды.

Архитектурное течение двадцатых и начала тридцатых годов, получившее название «конструктивизма», возникло и достигло у нас известных успехов и оставило после себя сооружения, выдержавшие испытание временем: достаточно назвать Днепрогэс, Дом госпромышленности в Харькове и другие. Талантливые советские архитекторы — братья Веснины, М. Я. Гинзбург в то время во всем мире считались ведущими мастерами конструктивизма. Однако конструктивизм того времени не имел у нас необходимого фундамента в виде производственной базы и арсенала современных конструкций. Плоскость фасада, которая должна была выразить однородный материал и конструкцию, создавалась из кирпичной стены, покрытой штукатуркой. Контрастная к ней плоскость стекла создавалась при помощи грубых деревянных переплетов и мелкого остекления. Если к этому добавить далеко не всегда удовлетворительное качество строительных работ, то станет ясной одна из основных материальных причин компрометации и падения у нас конструктивизма, получившего в последний период своего существования название «коробочной» архитектуры. Простая и скромная архитектура этих зданий, разбросанных в огромной массе городов старой застройки при изложенных выше недостатках, не могла доминировать в окружающей застройке.

Неудовлетворение этим и отсутствие других способов архитектурного выражения, вероятно, и были одной из причин возрождения у нас псевдоклассической архитектуры.

Сегодняшняя архитектура Запада — если попытаться обобщить ее принципы, оставить в стороне многочисленные течения, разновидности и извращения — характерна использованием широкой палитры новых строительных материалов и конструкций. В этом смысле она современна. Однако у западной архитектуры имеется и другая характерная черта. Это подчеркнутый ее индивидуализм, тенденция «работать» отдельным зданием, сооружением. Это и не удивительно, так как полностью соответствует природе буржуазного общества. Разумеется, в западной архитектуре имеются и примеры решения современных архитектурных ансамблей, новых городов-спутников и прочее. Однако это не нарушает основной тенденции буржуазной архитектуры. Индивидуалистический характер архитектуры и строительства на Западе подтверждается не только идейно-художественной, но и конструктивной стороной. Тот факт, что основной конструкцией современных сооружений на Западе является монолитный железобетон, свидетельствует о немассовом характере архитектуры. Как естественное следствие этого, по-прежнему мерилом и целью является здание, а модулем — его деталь. Изменились архитектурные формы, а принцип остался старый. Архитекторы изощряются в придумывании новых, часто формалистических деталей и композиций, стараясь перещеголять друг друга.

Конечно, мы должны знакомиться с зарубежной архитектурой. И обязательно брать все лучшее. Только лучшее. В первую очередь — новинки в области строительных материалов, конструкций, благоустройства.

Но наша архитектура принципиально отличается от буржуазной архитектуры широкой массовостью и всенародным назначением. Социалистический строй дает возможность перейти от строительства одиночных зданий к застройке целых микрорайонов, городов, новых сел. Теперь у нас есть для этого и производственная база. Архитектура приобретает совершенно новое качество. Уже не годятся старые приемы архитектурных решений, как не годятся старые методы строительства. При таких темпах и масштабах строительства отдельное здание теряет свое самостоятельное значение. Мерилом и целью уже является целый район или город, а здание становится только деталью, модулем, как архитектурная деталь на здании в прошлом.

Перестраивается масштаб мышления архитектора как ваятеля, «лепящего» теперь целые районы и города, использующего географию местности, рельеф, лесонасаждения, водные бассейны. Поскольку здание превращается в деталь, оно должно быть простым, ибо не может деталь претендовать на законченность целого. Оно должно быть простым и для того, чтобы быть предельно экономичным, ибо оно многократно повторяется, и для того, чтобы быть построенным легко и быстро.

Мы говорим простым, но это вовсе не означает — примитивным, лишенным привлекательности. Наоборот, эстетическое начало в архитектуре сооружений массового строительства должно быть обязательным. Речь идет о простоте благородной и изысканной, отвечающей духу нашего народа.

В основе нашего массового строительства лежит сборный железобетон. Составные, сборные детали и части зданий соответствуют и массовому характеру, и демократическому назначению советской архитектуры.

Все это, вместе взятое, и рождает новый, советский архитектурный стиль современного этапа. Что это? Конструктивизм тридцатилетней давности? Повторение зарубежной современной архитектуры? Нет, нет и нет!

Название сегодняшнего периода советской архитектуры еще не придумано. Оно появится. Наша новая архитектура больших масштабов не родилась в одну ночь. Она созревала вместе с экономикой, промышленностью, строительной техникой, сознанием народа. Ее черты есть и во вновь созданных городах: Ангарске, Сумгаите, Кохтла-Ярве и многих других, хотя в них и не удалось полностью преодолеть ложные архитектурно-планировочные приемы, характерные для прошлого. Ее черты носят вновь застраиваемые районы в Ленинграде, Киеве, Минске и во многих других городах нашей Родины. Ее черты — в новых районах Москвы: Песчаных улицах, Юго-Западе, Черемушках, Хорошево-Мневниках и др. Именно оно, массовое жилищное строительство, в первую очередь определяет характер, направление и стиль советской архитектуры. Часто спорят о том, что является главным в архитектуре, — уникальные сооружения или здания массового назначения? Вероятно, правы обе стороны, так как одно без другого немыслимо.

Массовое строительство приобретает огромную важность в силу масштаба и вкладываемых в него колоссальных материальных средств.

Уникальные же сооружения в свою очередь оказывают влияние на характер архитектуры в целом, дают возможность создавать высокохудожественные композиционные центры массовой застройки.

«...Перестройка в архитектуре еще не закончена. Многие неправильно понимают задачу перестройки и рассматривают ее только как сокращение архитектурных излишеств. Дело в принципиальном изменении направленности архитектуры и это дело надо довести до конца», — справедливо сказал Н. С. Хрущев на совещании строителей в 1958 году.

Некоторые архитекторы (и не архитекторы) со страхом взирают на вторгающуюся в жизнь новую архитектуру. Прощание с привычной и милой их сердцу архитектурой отдельных зданий, построенной на теме стены, на подчеркнутой монументальности и статичности, на веками отшлифованном наборе архитектурных деталей, связано с крушением их идеалов. В душе они надеются, что новая архитектура — это «временная мода» и что наступит день, когда мы вернемся «к старому доброму времени». Именно они чаще всего шепчут на выставках: «Мы это уже видели раньше!» Им кажется, что архитектура умерла в наши дни или во всяком случае повержена в длительный летаргический сон. Они утверждают, что архитектору стало неинтересно работать, что он превращается в некий придаток инженера, что под сомнением необходимость вообще такой специальности. Этих людей жаль, но с ними нужно бороться, несмотря на то, что их немного. Историю повернуть вспять невозможно, но затормозить ее развитие можно, и нельзя этого допустить.

Как же нам все-таки относиться к конструктивизму? Конструктивисты считали, что архитектура зданий должна максимально выражать их назначение и конструктивное решение. Этот тезис бесспорен.

Конструктивисты считали, что новые строительные материалы, в частности железобетон, открывают возможности решения свободного плана здания и предельного облегчения веса конструкций. Этот тезис также бесспорен.

Конструктивисты пропагандировали максимальное использование воздуха и света путем раскрытия больших проемов, построения свободных композиций, омываемых светом и воздухом, и т. д.

И этот тезис не вызывает сомнений.

К основным практическим тезисам конструктивизма в современных условиях, на наш взгляд, должно быть положительное отношение. Что же касается теоретических, философских концепций конструктивистов: «дом — это машина для жилья», идеи «чистой формы» и так далее, — они должны восприниматься критически. Фетишизирование роли конструкций, подчинение им идейно-художественной стороны архитектуры неприемлемо.

В опубликованных 20 февраля в «Литературной газете» «Заметках об архитектуре» В. Некрасова имеются некоторые спорные положения. Сомнителен, например, упор на архитектуру уникальных сооружений, странно прозвучали строки о карнизах и сандриках на новых каменных зданиях.

Несмотря на это, появление «Заметок об архитектуре» имеет очень большое положительное значение хотя бы потому, что подымает архитектурно-художественные вопросы в весьма ответственный момент истории развития советской архитектуры.

И. ЗАКОВ,
кандидат архитектуры

АЛЫЕ КОСЫНКИ

«Алые косынки» умеют работать, умеют и отдыхать. Всего несколько часов назад мы видели Лиду ЗАМАЙ в цехе на сборке. А сейчас она (верхний снимок) *увлечена рукоделием. А муж пусть пока займется Генкой...*

У Эллы БОНДАРЬ (справа) *и Вали АВЕРЬЯНОВОЙ еще нет своей семьи, но они весело живут и в заводском общежитии.*

Наши девушки, ремешком
Подпоясывая шинели,
С песней падали под ножом,
На высоких кострах горели.

Мих. СВЕТЛОВ

Советский характер

СОЖЖЕННАЯ НА КОСТРЕ

А. ЛУКИН, Н. МАР

ЭТО произошло в январе 1944 года в оккупированном фашистами Луцке, во дворе средневекового католического монастыря, превращенного гитлеровцами в кровавый застенок для советских людей. Ранним морозным утром из камеры № 14 эсэсовцы вывели девушку в ситцевом платье. Еще час назад она надеялась на побег и даже успела переправить в соседнюю камеру записку: «Если будут выводить вместе, надо попробовать бежать. Мужайтесь!»

Но бежать не удалось... И вот столб пламени уже охватил ее, клубы черного дыма повалили в небо. Комсомолка Паша Савельева, бесстрашная разведчица, героиня луцкого подполья, была зверски сожжена гитлеровцами. В камере № 14 осталась надпись, нацарапанная гвоздем, видимо, в последние минуты перед казнью:

«Приближается черная, страшная минута! Все тело изувечено — ни рук, ни ног... Но умираю молча. Страшно умирать в 22 года. Как хотелось жить! Во имя жизни будущих после нас людей, во имя тебя, Родина, уходим мы... Расцветай, будь прекрасна, родимая, и прощай. Твоя Паша».

Кто же такая Паша Савельева? Она родилась в крестьянской семье, училась в школе-десятилетке № 3 во Ржеве, летом 1940 года окончила Московский кредитно-экономический институт и была направлена на работу в Луцк. Здесь она поселилась в одноэтажном домике на Хлебной улице. Незадолго до начала войны к Паше приехали погостить ее мать — Евдокия Дмитриевна и тетка.

И вот — война. К Луцку рвались немецкие танки. Вместе со своей семьей Паша Савельева пыталась эвакуироваться на восток. Но дорога уже была перерезана фашистами. Тысячи беженцев хлынули обратно в город. Где-то там, на дорогах под Луцком, Паша Савельева познакомилась с курчавым, статным парнем в косоворотке.

— Да, положение невеселое, — мрачно сказал парень. — Мы вот с братом тоже шли на восток, но дальше не пробились. Решили вернуться в город. Разве в Луцке не найдется дело? Моя фамилия Измайлов.

Говорят, что доверие порой рождается сразу... Этому парню хотелось верить. Ночью Савельевы и Измайловы вернулись в город. Возле домика на Хлебной Паша и Виктор расстались, условившись скоро встретиться.

На рассвете в Луцк ворвались немцы... Начались аресты, насилия, казни. В здании банка, где работала Паша, расположилось гестапо. Паша настойчиво разыскивала в опустевшем городе своих, верных людей.

Вскоре Виктор Измайлов снова пришел к Паше. Оказывается, он тоже эти дни бродил по городу, осторожно пытаясь разыскать надежных людей. Многое приметил он зорким глазом. Фашисты заняли лучшие дома, заполнили казармы, захватили склады, магазины, предприятия...

И Паша с Виктором, двое молодых советских патриотов, жаждавших борьбы и мщения, решили действовать. Двое — это, конечно, еще очень маленький коллектив. И все же это была первая ячейка будущего подполья.

Паша и Виктор верили, что непременно найдут в Луцке патриотов, готовых по зову партии, по велению Родины биться с врагами до победы. И, действительно, вскоре к ним примкнули многие советские люди.

Один из лагерей для советских военнопленных в Луцке разместился в католическом монастыре. Как-то Паша познакомилась с Марией Ивановной Дунаевой — невысокой, сухонькой женщиной, работавшей в лагере. Приглядывалась Паша и к другим новым знакомым, среди которых были рабочий типографии Алексей Ткаченко, жена фронтовика Наталья Косяченко...

Паша попросила Дунаеву устроить ее в лагерь и скоро стала писарем в лагерной канцелярии. По просьбе Паши Ткаченко изготовлял в типографии «настоящие» документы. Савельева с друзьями переправляла их в лагерь. И многие пленные выбирались на свободу. Именно так вышел из лагеря раненый советский офицер Николай Григорьевич Петров, которому угрожал расстрел. Получив от Паши документы на имя «солдата Громова», Николай Григорьевич вместе с Савельевой и Измайловым составили ядро подпольной группы. Обязанности были распределены так: Паша возглавляет группу, Николай организует разведывательную и диверсионную деятельность, а за Виктором остается контрразведка...

Группа быстро разрасталась. В нее вошли Наталья Косяченко, Мария Дунаева, Мария Галушко, Борис Зюнов, Алексей Харченко (Олег Чаповский), Анна Остаплюк и другие патриоты.

Евдокия Дмитриевна Савельева, которую мы недавно навестили в Ржеве (ее адрес — г. Ржев, квартал 268, Полевая улица, № 82/54), вспомнила те тревожные и опасные дни в Луцке. Хотя Паша ничего не объясняла, мать все же видела, как ночами к ним приходили убежавшие из лагеря пленные. Паша припасала им одежду и документы.

У молодых подпольщиков было много работы. Немцы расположили в Луцке воинские части, склады, штабы, обосновали здесь резиденцию генерального комиссара Волыни и Подолии — генерала Шене.

Когда писарская «единица» в лагере была сокращена, Паша перешла в «ландвиртшафт» — подсобное хозяйство, куда каждый день немцы пригоняли на работу сотни военнопленных. Кое-кому из них Паша Савельева помогла бежать. Потом открылся банк, и она вернулась «на старое место службы» младшим кассиром. Банк был связан с управлениями, конторами, службами оккупантов. Паше открылся доступ к ценным документам и источникам информации.

Паша приходила на работу ровно в девять утра. Весь день у ее окошечка, ожидая денег, бесцеремонно болтали немцы, и она напряженно вслушивалась в чужую речь. Как-то днем хозяин ресторана, получая деньги, сказал своему спутнику, что «сегодня надо накрыть хороший стол, ибо милый Людвиг приведет девочек».

В тот же вечер Паша встретилась с Измайловым и Громовым. Николая взволновал ее рассказ: любопытно, какой это Людвиг? Не тот ли тощий капитан, который самолично пристреливал пленных в лагере?

— Проверим эту персону, — предложил Громов. И через несколько часов в переулке около ресторана были убиты «милый Людвиг» и еще один гестаповец. Громов был храбрым человеком и стрелял отлично. Несколько месяцев спустя, попав в ровенскую тюрьму, Николай Григорьевич поднял там большое восстание и погиб...

Однажды по доносу украинского националиста гестаповцы нагрянули к Измайловым именно в тот час, когда Виктор вместе с друзьями составлял список надежных людей, которых нужно привлечь к боевой работе. Не успев уничтожить этот список, Виктор бросил его на пол. Переводчик гестапо, высокий немец, которого все в городе звали Гербертом (фамилия так и осталась неизвестной), незаметно затолкал под диван список...

Группа Паши Савельевой сделала немало: она добывала ценные документы, истребляла фашистских разведчиков, совершала диверсии, собирала важные сведения... Но она могла сделать больше. Для этого нужна была связь с Большой Землей. И ранней весной 1943 года действовавший в этих краях известный партизанский отряд Героя Советского Союза Д. Н. Медведева установил с луцкими подпольщиками боевой контакт.

Командование отряда отправляло своих разведчиков во многие города Западной Украины. В Луцк на связь с подпольем пошла отважная патриотка Марфа Ильинична Струтинская. Возвращаясь однажды из города в отряд, она была схвачена гитлеровцами и погибла. Место матери занял ее сын Николай Струтинский, который около двух месяцев находился в Луцке с «удостоверением» корреспондента фашистской газетки. Он наладил контакт с подпольщиками. Для постоянной связи с отрядом избрали место недалеко от Луцка, где был создан «почта-маяк».

Нелегко было Паше и ее товарищам раздобыть у немцев план Луцка с указанием всех военных объектов. Но и доставить его на «маяк» было делом нелегким. Поэтому связь с «маяком» обслуживала целая группа подпольщиков и партизан. «Хозяином маяка» был медведевский разведчик, ныне ответственный сотрудник одного из московских издательств Владимир Иванович Ступин. 7 июля 1943 года, доставив на «маяк» переданные Пашей Савельевой секретные материалы, от рук украинских националистов здесь погиб Виктор Васильевич Измайлов.

После гибели Громова и Измайлова вся тяжесть руководства группой легла на хрупкие плечи Паши.

— А ведь эта маленькая Паша из Луцка просто молодчина! — говорил командир отряда Д. Н. Медведев.

Вскоре с помощью Паши Савельевой и ее товарищей была разгадана одна из тайн гитлеровцев, связанная с подготовкой химического нападения на Советский Союз. Один из участников подполья, инженер, работавший на железной дороге, сообщил, что на станцию Луцк прибыло несколько вагонов секретных, по-видимому, химических снарядов. Вскоре подпольщикам стало известно, что снаряды разгружены на складах в районе Луцка, усиленно охранявшихся и окруженных пулеметами.

Москва предложила любой ценой добыть снаряд: надо было установить, какие отравляющие вещества готовил коварный враг! Вместе с подпольщиками Алексеем и Михаилом Паша разведала подходы к складам, расшифровала систему охраны и разработала замечательную операцию. Все было рассчитано по метрам и секундам. Вечером подпольщики блокировали крайний, стоявший в отдалении склад. Одетые в немецкую форму, они пошли навстречу часовому. Раздался возглас:

— Пароль?

— Рейн!

— Отзыв?

— Рекс! — Через секунду часовой мертвым упал на землю.

Бесшумно был снят и второй эсэсовец. Теперь надо скорей перерезать проволоку, сорвать запоры и — к снарядам. Через две минуты в руках храбрецов оказался небольшой баллон, содержанием которого так усиленно интересовалось командование.

Снаряд был доставлен в лес, в отряд, Москва приказала отправить за ним специальный самолет. Но погода была нелетной. И тогда через линию фронта в столицу снаряд понесли трое медведевских разведчиков во главе с Серафимом Афониным, ныне директором средней школы в Кочкуровском районе Мордовской АССР.

Тем временем обстановка в Луцке накалялась. В городе происходили многочисленные аресты. Гестапо и его шеф — палач Фишер были в бешенстве и делали все, чтобы раскрыть неуловимых подпольщиков, совершивших дерзкий налет на химический склад.

...Беда пришла 22 декабря 1943 года. Поздно вечером в домик № 14 на Хлебной улице вошли гестаповцы. Обыск ничего не дал. Все же Пашу арестовали и увезли в гестапо. Она ничего не сказала. Девушку отпустили в расчете на то, что она сейчас же кинется к друзьям, даст след к подполью. Но Паша ни с кем не встретилась.

Через день эсэсовцы снова пришли на Хлебную улицу и на этот раз увезли Пашу в тюрьму. Три дня, избитая и истерзанная на допросах, она пролежала в камере. Наконец, очнулась. В камере были и другие женщины.

— Тебя как зовут? — спросили они.

— Савельева, Паша.

— Били? Пытали?

— Да, «качалкой»! Не знаете, что это такое? Руки связали с ногами, подвесили на качалке, а потом полосовали резиной. И все-таки я их не боюсь. Они нас больше боятся!

Спустя несколько дней Евдокия Дмитриевна, которая вместе с сестрой тоже была арестована, в тюремном коридоре встретила измученную, окровавленную дочь.

Это была их последняя встреча, их последний разговор. О чем думала Паша в последние дни своей жизни? Может быть, она переслала на волю прощальные письма? Пока мы этого не знаем. Знаем только о записке, переправленной в соседнюю камеру. Знаем о надписи, сделанной на стене перед самой казнью. Знаем, как Паша погибла. Произошло это незадолго до освобождения Луцка. Заметая следы, гитлеровцы начали массовое уничтожение советских людей. Во двор тюрьмы фашисты привезли рельсы и листы железа. Что они готовили?

— Каждый день я ходила к тюрьме, — вспоминает Евфросинья Дмитриевна, тетя Паши. — Думала, может быть, еще раз Пашеньку увижу... Как-то у тюрьмы собралась большая толпа. Вдруг слышу крик: «Наших жгут!». И правда, над зданиями поднялась туча черного дыма, и ужасно запахло горелым... Вот здесь, на костре, они и сожгли Пашу...

Когда наши бойцы ворвались во двор луцкой тюрьмы, на металлических листах лежали останки сожженных людей. Среди них была и Паша Савельева, комсомолка, бесстрашная патриотка, имя которой наша Родина сохранит в памяти на вечные времена.

Заботы Терентия Мальцева

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Но осваивать ее потрудней, чем обычную. Обычная целина не имеет сорняков, а старопахотные земли, идущие под пар, засорены.

И поиски идут. Уже проверено, что в паровом поле можно сеять озимую рожь на сено. А в прошлом году испытан широкорядный посев кукурузы в занятом пару. Теперь можно полагать, что урожай зеленой массы в двести центнеров с гектара гарантирован, да и качества парового поля не ухудшаются. Терентий Семенович считает, что в дальнейшем скот получит сочные и зеленые корма целиком за счет урожаев в занятом пару...

Приносят почту — пачку газет и больше десятка писем. Перебрав письма, Терентий Семенович торопливо вскрывает одно и веселеет.

— Все же поняли! Пришлось до Верховного суда доходить. — Он поднимает трубку, вызывает Шадринск, просит передать жалобщику решение Верховного суда.

... Так он живет в эти дни, деловитый, как и раньше, скромный, сосредоточенный... Радуешься его энергии, но одно обстоятельство не дает покоя: почему все-таки новая система обработки почвы и посева, предложенная им, еще не стала широко распространенной?

Вернемся к прошлому. В августе 1954 года по решению ЦК партии в Мальцеве состоялось всесоюзное совещание ученых и практиков сельского хозяйства.

Мне посчастливилось быть на этом совещании, и я хорошо помню, с каким огромным вниманием тысячная аудитория слушала доклад Мальцева. Не меньше внимания было уделено и «содокладчикам» — полям, на которых осуществлена мальцевская агротехника. Многие тогда говорили: «Если бы такие урожаи были везде — в Сибири и Казахстане, то куда бы тогда с хлебом деваться?» Ученые, практики, партийные работники единодушно одобрили новую систему обработки почвы и посева. В последующие годы в Мальцеве побывало более десяти тысяч экскурсантов со всех концов страны.

Но где мальцевская система внедрена и начала уже служить делу урожая?

Ответить на этот вопрос затруднительно. Правда, она принята на вооружение колхозами и совхозами Шадринского района. И разве не примечателен тот факт, что именно в Шадринском районе собирают теперь самые высокие, небывалые в Зауралье и Сибири урожаи зерновых культур?

И в ряде других хозяйств Курганской области принята мальцевская система, но чаще всего применяются почему-то лишь отдельные элементы этой стройной системы. В Сибири и Казахстане широкое распространение, например, получила безотвальная вспашка паров. Кое-где применяются посев по взлущенной стерне и мальцевские сроки сева. Но все это раздельно, не в комплексе и потому не всегда удачно.

Почему же только в редких хозяйствах осуществляют весь комплекс мальцевской агротехники? Может, она не оправдала себя? Может быть, наука доказала необоснованность системы Т. С. Мальцева?

Нет. Больше того, работы Мальцева заставили некоторых его противников решительно изменить свои взгляды. Можно сослаться на профессора М. Г. Чижевского. В учебнике для сельскохозяйственных вузов «Земледелие с основами почвоведения», изданном в 1953 году под общей редакцией М. Г. Чижевского, утверждалось следующее: «Посредством же однолетних кормовых трав, так же как и других однолетних растений (овес, рожь, пшеница, хлопчатник и др.), невозможно накопить в почве органических остатков и перегноя, а следовательно, нельзя создать прочную комковатую структуру».

Но уже в 1954 году М. Г. Чижевский в своей брошюре «О системах земледелия и севооборотах» пишет: «Противопоставление однолетних культур многолетним травам в отношении направления воздействия на плодородие почвы является неправильным... Однолетние культуры при правильном комплексе агротехнических приемов, обеспечивающем высокие их урожаи, способствуют повышению плодородия почвы»...

Ученый мужественно признал свою ошибку.

Тогда, может, практически мальцевская система не оправдала себя?

Я ездил в Сибирский научно-исследовательский институт сельского хозяйства, беседовал с заместителем директора по науке И. Н. Кузнецовым.

— Что вы! — удивился он. — Наш институт закончил исследовательскую работу по этой теме и рекомендовал мальцевскую систему к внедрению в производство. — И показал мне все обоснования к этому.

В колхозе «Путь к коммунизму» Марьяновского района, Омской области есть страстный поклонник Т. С. Мальцева — старейший хлебороб Михаил Никитович Олефир. Он ввел мальцевскую систему на артельных полях.

Вместе с сотрудником института В. Аферовым, Олефир проводил тщательный учет результатов. И вот их выводы: за первый цикл пятипольного мальцевского севооборота урожай, по сравнению с общепринятой обработкой, увеличился на 10,3 процента, а прямые затраты в расчете на центнер полученного зерна оказались ниже на сорок шесть процентов. Такие же примерно результаты получены и на полях института.

Но в Омской области лишь в одном этом колхозе осуществлен полный комплекс мальцевской агротехники.

В марте текущего года Т. С. Мальцев, выступая на сессии ВАСХНИЛ, говорил: «Большей частью наши методы обработки почвы применяются искаженно из-за того, что нет именно тех орудий, какими работаем мы. Надо, чтобы такие орудия могли приобретать все, кому они потребуются».

Эти слова произнесены на сессии академии. Но думается, что более прямое отношение они имеют к Министерству сельского хозяйства. А как тут не вспомнить, что на совещании в Мальцеве в 1954 году председательствовал не кто иной, как министр сельского хозяйства СССР В. Мацкевич. С горячей поддержкой мальцевской системы выступал тогда и тов. Кальченко, ныне министр сельского хозяйства РСФСР.

Почему же в министерствах сельского хозяйства с прохладцей (если не сказать больше) относятся к внедрению мальцевской агротехники. Почему так мало выпущено машин, необходимых при внедрении новой системы обработки почвы и посева?

Чем объяснить все это?

СРЕДИ КНИГ

«ПУСТЬ СЛОВА МОИ НЕ МЕЧУТСЯ...»

ВЫРАЖАЯСЬ высокопарно, в тоне старинной поэзии, это «пусть» можно было бы назвать «приказанием музе». Оно наивно, чистосердечно и характерно. Характерно для социальной направленности поэзии Богдана Истру и его стремления к тому, чтобы стихи были близки и понятны народу.

Да, слова в стихах молдавского поэта Богдана Истру «не мечутся»: они слушаются своего хозяина, когда он пишет на темы, заданные ему историей и жизнью родного народа; слушаются и тогда, когда он «уходит» в личную лирику — в описание природы, в признания любви и дружбы... Впрочем, темы личной лирики живут как продолжение и развитие главной темы поэта — любви к Родине, к жизни.

Глубокая и свободная критика стихов поэтов братских республик всегда трудна и чревата ошибками: критик, как и всякий читатель, видит перед собой прежде всего сборник русских стихов, знакомится с поэзией на русском языке. И неизбежно ответственность за эти стихи делится почти поровну между их автором и переводчиком — верней сказать, умножается...

Это острый и, между прочим, старый вопрос, который поднимали у нас слишком редко и не углубляли никогда.

Но нынче — праздник молдавской поэзии, дни и вечера ее декады. Мы знакомимся вплотную с поэтами той страны, на чьей природе покоился взор Пушкина, а в древности — взор легендарного Овидия... Серьезна и дружелюбна должна быть наша беседа с писателями Молдавии. Требовательными должны быть и мы, и они.

Кстати, если уж мы вспомнили о природе Молдавии... В стихах Богдана Истру есть жаркое и сладостное дыхание южной плодоносной земли, дуновение свободного степного ветра. Разумеется, «Крестьяне, или исповедь заблудшего», «Дым отечества», «Мне дороже...», «Терн», «Фруктовый Донбасс» — это стихи Молдавии и о Молдавии. Отдельные огрехи перевода или авторские просчеты не мешают читателю почувствовать в стихах Богдана Истру стихию его Родины. А это означает, что Истру — поэт, и поэт талантливый.

Свою книгу он разбил на три части — их можно было бы назвать «главами» лирической исповеди: «Песни родной земли», «Бессарабская тетрадь» и «Серпом и молотом».

Самые последние, новые стихи собраны в первом и в третьем разделах. Во второй вошли стихи довоенной поры и военные. Из стихов «Бессарабской тетради» — «Протест», «Крестьяне...», «Автобиография», «Трамваи нас высадят», «Письмо отцу», «Анна» и некоторых других — глядят на нас черные, блистающие гневом и слезами глаза старой Бессарабии... Жаль, что рядом с интересными по жизненному материалу стихами встречаются все же штампованные поделки, испорченные безвкусицей, такие, как «Скрипач», «Цирк», или отдельные строфы в иных стихах, чуждые общему тону чистой и легкой поэтической речи Истру. Стоило ли, к примеру, включать в раздел «Серпом и молотом» стихотворение «Подсолнух глянул на твое крылечко...»? И можно ли было, в добавление к скверному заглавию стихотворения «Поляна тысячи цветов имеет» предложить читателю концовку подобного рода:

Мы в дружном хоре
голосов
Должны свое прославить
время.
Поляна тысячью цветов
Цветет, нам улыбаясь
всеми.

Здесь приходится адресоваться прямо и непосредственно к переводчику: строфа дурна, трафаретна, эстетически бедна. А чего стоит, к примеру, такая строка: «Пляс и страх царит в секундах. Болью сломан...» и т. д. («Цирк», перевод Н. Асанова).

Досаднейшие небрежности приходится отметить и в ряде других переводов. И все же большинство стихотворений сборника волнует читателя. Трепетная любовь к природе, нежность и уважение к простому человеку родной страны, ненависть к врагам Родины, искренний патриотизм... У поэта есть слух, улавливающий тихую речь природы, и зрение, проникающее в даль исторической перспективы. «Источник» (в хорошем переводе К. Арсеневой), «Мне дороже...» (перевод С. Аксеновой), «Анна» (перевод В. Сикорского) — стихи по-настоящему поэтические.

В сборник включена большая сюжетная поэма «Весна в Карпатах», хорошо переведенная Марком Лисянским в разных ритмах, метрах и манерах — от доброго, старого «кованого» ямба и ямбических двустрочий до всем известного стиха «Думы про Опанаса» Эдуарда Багрицкого.

Так же, как ритмическая манера, не нов и сюжет поэмы. Это хорошо знакомая нам история спасения русским солдатом детей братского народа, знакомая тема дружбы и братства народов, освобождения, воссоединения и общей победы в творческом труде... «Подражательности» в этом нет. Сюжет и тема даны поэту самой жизнью. Весну в Карпаты, в горные села приносит русский солдат Иван Галанин, который гибнет в конце войны и чью память свято чтят люди, узнавшие его благородство, доброту, высокое мужество...

«Весна в Карпатах», по существу, читается, как повесть, и, будь она написана хорошей прозой, — могла бы найти себе место в ряду родственных ей по теме повестей. Поэмой ее делают авторская горячность, авторское «я», «мы», перекрывающее сюжетные ходы потоком лирических отступлений, которые обращаются как бы в единое «лирическое наступление»...

Многие чувства и раздумья пробуждает сборник молдавского поэта. О бунтарстве, страстной жажде борьбы за справедливость в боевой молодости, о верности братьям — русским и украинским, о торжестве военной победы и, наконец, о счастье творческого труда в послевоенные годы — вот о чем говорят стихи Истру с тридцатых годов до конца пятидесятых.

А. АДАЛИС

Богдан Истру. «В добрый час». «Советский писатель». 1959.

ЦЕЛЬНОСТЬ

Александр ЛАЦИС

ЕСТЬ книги стихов — и их, увы, немало, — о которых легко писать рецензии. Перечислишь стихи лучшие, затем — худшие. Приведешь строки удачные и строки неудачные. И если эти перечни ошибок и удач составлены справедливо, — о книге как будто и сказать больше нечего: замечания есть, впечатлений — нет.

Тогда начинается нехитрая симуляция мысли. Рассуждается, что поэт такой-то — несомненный продолжатель Маяковского, Некрасова, Твардовского, Блока (смотря, чья юбилейная дата ближе). Он, поэт, — продолжатель традиции, интонации, позиции... (смотря, что легче подтвердить подвернувшейся цитатой). Появятся три такие рецензии — и четвертый критик уже может начать обвинять поэта в «эклектизме».

Самое легкое занятие — выписывать из текста критико-удобные строки, афоризмы, полуафоризмы, формулы, формулки. А потом вывести из них пропись, общее место: «Своими стихами поэт такой-то доказывает, что для создания правдивого образа советского человека должно и нужно изучать жизнь».

Есть книги, о которых ничего иного не напишешь. Они распадаются на отдельные промахи и удачи, на ошибки и общие места. И есть книги, о которых сказать все это — значит ничего не сказать. В них — цельность, в них — неделимая на части и полочки ценность, которая непременно оказывается больше суммы слагающих книгу отдельных стихотворений.

Существуют вещества, которые образно можно назвать «витамины воздуха». Эти невидимые частицы придают особый вкус, особую пользу воздуху лесов и полей, морей и гор. Есть, конечно, и «витамины поэзии». Когда-нибудь их тоже обозначат, классифицируют, но их никогда не получат синтетическим путем. Они появляются как предвестники, как предтечи. В книге возникает лирический герой. Он чем-то, наверно, похож на автора, чем-то отличен, в чем-то еще уступает ему, а в чем-то уже превосходит.

Когда рецензент пространно рассуждает о биографии автора, о его пути, он рискует не заметить биографии лирического героя.

Лирический герой — представитель того поколения, того характера, того душевного склада, что, начиная с самых юных лет, со школьно-комсомольских годов, каждый день своей жизни, каждое дело, большое и малое, рассматривает как партийное поручение.

И в каждый день, в каждое дело вкладывает всего себя, все силы, все способности, заядло, увлеченно, одержимо. И потому дни не делятся на те, когда подвиг, и на те, когда будни. Как будто нет будней, как будто и не совершено никаких подвигов. Все это сливается в одно понятие, в одно слово. Нет, не долг, что-то более свободное и широкое — партийность. И поэтому каждый день жизни ярок и важен, каждый день — этап необходимой и неизбежной борьбы. Жизнь наполнена ощущением общего движения вперед и своим участием в этом движении.

Одна из сквозных тем книги новых стихов Николая Грибачева — цельность. Так называется только одно из стихотворений, но тема эта проходит через многие. Цельность мира, взаимосвязанность всех его частей, цельность мира и человека, наконец, цельность самого человека. («Все сопредельно, слитно, связно — они и мы, и я и ты...»). Вторая магистральная тема, тесно связанная с первой, — тема счастья, счастья активного, постоянного стремления к борьбе, даже поиск борьбы. («Потому клянусь и присягаю знамени надежды и борьбы, ибо без него не постигаю ни всеобщей, ни своей судьбы».) И третья — движение времени, жизненный путь человека. («Не букетов нам недоставало — времени, чтобы побыть вдвоем».) Лирического героя занимают и размышления о возрасте, о приближении старости. И лирический герой приходит к открытию, одновременно радостному и чуть печальному, что жизнь взрослого человека гораздо наполненнее и короче, чем это казалось так недавно, каких-то двадцать или тридцать лет назад, в семнадцать юношеских лет.

Наверно, по-настоящему взрослые годы только тогда и начинаются, когда приходит это удивление, изумление, открытие: оказывается, у каждого возраста — свое счастье, непохожее на то, что было раньше, недоступное тому, каким ты был раньше.

Цельность облика лирического героя не могла не привести к тому, что поэт вновь и вновь обращается к кругу своих главных, постоянно переходящих одна в другую тем. В этой связи один из критиков упрекал поэта: зачем, мол, он печатает этюды, варианты своих стихотворений. Упрек, казалось бы, резонный: отбери наиболее точные слова, остальное отбрось, не печатай. Однако если до конца следовать этому совету, вдруг окажется, что книга стихов превратилась в резолюцию. Все формулировки продуманы, отредактированы, приняты как за основу, так и в целом. А настроение, движение мысли, ее развитие, ее новые и новые оттенки — все это исчезнет. Нет, не только итог важен и интересен. Важен и путь мысли, поиск, движение к ней. Кстати, иные этюды художников украшают стены музеев, отнюдь не «отменяя» друг друга.

И все же упрек, пусть не точно выраженный, был сделан не без основания. Вместе с этюдами в книгу попали и черновые наброски, где немало строк глуховатых, невнятных, попросту корявых.

И все-таки этого мало,
Чтоб пламя над строками встало.
Еще ему нужно участье
В народной заботе и счастье,
Нужна ему дума большая
О судьбах родимого края.

Все это правильно, но здесь важная мысль выражена вялыми, проходными, стертыми словами и рифмами. Образ и облик лирического героя возникает отнюдь не из этих, совершенно справедливых, но пресных, поэтически авитаминозных строк. В книге есть счастливые строчки, которые живут, дышат, входят в сознание, и вы начинаете не думать о них, а думать ими, вновь и вновь повторять:

Тускнеет бронза, выцветает камень,
Теряется в забвении строка...

Здесь — неразделимое звуковое, ритмическое, смысловое соответствие, нерасторжимое единство формы и содержания. Среди насыщенных загадочным «витамином поэзии» стихотворений, таких, как «Чем глубже знанье», «Зимняя капель», «Под грозой», «О тоске», вот, пожалуй, самое сильное. Оно называется «К одной фотографии в западном журнале»:

Взвод солдатни при офицере,
Сойдясь на линии огня,
Стреляет по фигурной цели,
Во всем похожей на меня:
Мой прорисован взгляд упрямый,
Мой, что на весь известен мир,
Не опозоренный, тот самый,
Зеленый, в цвет листвы, мундир...
Пчела с добычей тянет в улей,
Над полем коршун держит путь,
И — залп... И в грудь мне входят пули,
И снова залп, и пули в грудь.
И офицерик веселится
И напускает бравый вид.
А я гляжу, гляжу в их лица,
А я не ранен, не убит,
А я над жалким их ученьем
Не при оружье, не в строю —
Социализма воплощеньем,
Их миру вызовом стою.
И нет, не мне, не человеку, —
В потугах жалких и пустых
Они шекочут нервы веку,
Что в ночь, как стадо, гонит их.

Что привлекает в этом стихотворении? Прежде всего — ненависть. Не та, бессильная, которую рождает слепая, бесцельная злоба. То гордое чувство, которое неотделимо от настоящей любви. Всепобеждающая, исполненная достоинства и силы, которая, не размышляя, не колеблясь, защищает свою страну, свой народ, свое счастье. И если кому-либо из нас, на земле, или в воздухе, или в не знающей границ борьбе двух идеологий, двух образов жизни, выпадет нелегкая минута, придется встретиться с хитренькой, то наглой, то вероломно-дружелюбной подлостью, гнилью и грязью, — каждый имеет право повторить несгибаемые, кристально твердые слова: «И — залп... И в грудь мне входят пули, и снова залп, и пули в грудь. И офицерик веселится и напускает бравый вид. А я гляжу, гляжу в их лица. А я не ранен, не убит...»

...Лирический герой книги Н. Грибачева — прежде всего настоящий, не способный на обман, надежный друг. Он сам еще не раз встретится с автором и, по праву дружбы, выскажет и мимоходные слова упрека, и душевные слова благодарности.

Н. Грибачев. «Прямой свет». Издательство «Советский писатель». 1959.

На этом снимке — пока не памятник, а только гипсовая модель скульптуры баснописца Ивана Андреевича Крылова. Работа над самим памятником заканчивается, и в этом году московские ребята увидят «дедушку Крылова» в сквере у Пионерских прудов. Бронзовая скульптура баснописца будет установлена в центре площадки, а вокруг разместятся скамейки, замыкающиеся бронзовыми фигурками зверей — персонажей басен. Авторы памятника — скульпторы А. Древин, Д. Митлянский, И. Тенета, архитектор В. Павлов.

В этом же году в сквере у 613-ой московской школы в Большом Харитоньевском переулке будет поставлен бюст Н. А. Некрасову, имя которого носит школа. В создании памятника приняли участие скульптор И. Чайков и архитектор А. Усачев.

ВЗЫСКАТЕЛЬНОСТЬ, УВАЖЕНИЕ, СТРОГОСТЬ

ПОЖАЛУЙ, главным в этом двухдневном обсуждении молдавской прозы была атмосфера взыскательности, уважения и строгости. Обсуждение не пошло по пути торжественной констатации достижений, — речь шла о живой, трепетной литературе — о том, что волнует писателей Москвы, Киева, Кишинева, Вильнюса, Ташкента...

Да, у молдавской литературы своя история, определившая в какой-то мере ее сегодняшнее состояние. Понять и должным образом оценить состояние современной молдавской литературы — значит разобраться в сложных процессах, происшедших в ней за последние пятнадцать лет. Только тогда можно объяснить ее своеобразие, тематику, силу и слабость. Но в недавно закончившемся обсуждении важна была не констатация всего этого своеобразия, и даже не предложенная П. Вершигорой периодизация молдавской литературы, а конкретный анализ конкретных произведений. И потому выступление латышского писателя В. Берце, подарившего молдавским прозаикам сборник их рассказов, вышедший на латышском языке, было очень показательно. В Берце сказал о том, что размышления над произведениями молдавских писателей, анализ их помог ему понять существенные процессы, происходящие в творчестве молодых латышских рассказчиков. Речь шла о недостаточном использовании сюжета как средства типизации действительности, о стремлении к пересказу исторических событий в ущерб глубокому изображению характеров.

Можно ли говорить о ясно наметившихся двух направлениях многообразной молдавской прозы? Мысль эта, прозвучавшая и в кратком обзоре прозы, сделанном критиком Х. Корбу, и особенно остро в выступлении Д. Нагишкина, стала предметом серьезной полемики. Отмечая тонкий психологизм и яркую национальную форму в творчестве Иона Друцэ, Д. Нагишкин противопоставил И. Друцэ роман С. Шляху «Солдат идет за плугом», в котором писатель, по словам Д. Нагишкина, поднял важнейшую тему борьбы за мир, тему советского гуманизма и человечности, но не смог так же ярко и самобытно, с предельной детализацией изобразить характеры и психологию героев, как это сделал И. Друцэ в своей повести «Георге, вдовий сын». «Самсон Шляху как бы антипод И. Друцэ», — сказал Д. Нагишкин. Такая прямолинейная точка зрения слишком упрощенно и поверхностно трактует проблему различных стилей изображения действительности в литературе. А не более ли плодотворно отказаться от категорического установления преимущества одного стиля изображения жизни перед другим и вместо этого глубоко анализировать своеобразие каждого из них, то есть судить писателя по тем законам, которым он следует.

Говоря о произведении, прежде всего необходимо видеть его идейно-художественную концепцию, анализировать систему образов писателя, — сказал В. Друзин. Д. Нагишкин пошел как бы «вкось по роману», оставив в стороне самое главное — идейную концепцию.

Да, молдавская проза многообразна. В ней работают писатели разных манер и стилей, и это прежде всего говорит о зрелости литературы, о ее интересных возможностях. И потому, что всем писателям, пришедшим говорить о молдавской прозе, ясно виделись ее интересное настоящее и ее более значительное будущее, разговор был требовательным, а подчас и остро критическим. Некоторое тематическое однообразие, пристрастие к изображению прошлого Молдавии, робость перед современной проблематикой, конечно, один из существенных пробелов молдавской прозы.

— Произведения Анны Лупан, А. Шаларь, Л. Барского, И. Друцэ вызвали у меня ощущение — а не боятся ли эти интересные писатели браться за острые, злободневные вопросы нашей современности, — сказала Т. Трифонова.

Отсутствие современной тематики беспокоит и самих молдавских писателей. О приметах сегодняшней жизни, которые как бы просятся в книги писателей, серьезно и взволнованно говорил Ион К. Чобану. К проблемам современности, к острой необходимости изображения их обращались в своих выступлениях А. Акимова, В. Полторацкий. Вопросам современности посвятил заключительное слово и председательствующий на обсуждении В. Смирнов.

Интересной была дискуссия, развернувшаяся вокруг творчества И. Друцэ. Сила и слабость произведений И. Друцэ, выступающего в разных жанрах (повесть, пьеса, рассказ), очень характерны для разговора о проблемах молдавской прозы. Яркий национальный колорит, повтичность, углубленное, пристальное внимание к внутреннему миру человека, казалось бы, делают произведения Друцэ современными. Но ограниченность тематики, уход от острых проблем времени обедняют творчество этого самобытного писателя. В выступлении З. Кедриной прозвучали беспокойство за судьбу писателя и уверенность в том, что он преодолеет свои слабости.

О творческой манере И. Друцэ подробно говорили Е. Мозольков и В. Полторацкий. Сравнивая отношение к действительности И. Друцэ с творчеством старейшего писателя Молдавии М. Кахана, Е. Златова отметила страстность и беспощадность прозы Кахана.

Естественно, что разговор о тематике молдавской прозы, о проблемах и устремленности ее был разговором и о мастерстве. А. Макаров, Д. Еремин, С. Трегуб, А. Лейтес, А. Турков, П. Вершигора, С. Кирьянов, А. Зуев, Ю. Чернов, В. Росляков, В. Берце посвятили свои выступления конкретному анализу художественных особенностей книг писателей Молдавии: Анны Лупан, А. Шаларь, А. Кожмеску, Ф. Видрашку, Л. Барского, И. Герасимова, Н. Муратова, Я. Кутковецкого, В. Малевой, А. Липкана, И. Чобану.

— Впервые в Москве состоялся большой и серьезный разговор о молдавской литературе, — сказал Андрей Лупан. — Мы его ждали, и мы благодарны не только за те хорошие и добрые слова, но в первую очередь за дружескую критику, за внимание и требовательность, которые прозвучали в ваших выступлениях.

Во власти дурного вкуса

РОМАН З. Люкова и Ю. Панова «Дорогу осилит идущий» читаешь с тем особым чувством, которое испытываешь, знакомясь с первой книгой молодого автора. От книги ждешь открытия новым писателем не исследованных еще сторон жизни, мира, познанного, увиденного наново. Интерес к роману становится еще большим, когда мы узнаем, что авторы со свойственным молодости бесстрашием берутся за сложные и ответственные темы, изображают деревню в канун крутого подъема колхозного производства, вызванного памятными решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС. Их книга уже встретила в печати лестную оценку профессора ВГИКа, доктора филологических наук М. Григорьева, призвавшего «и жителей города, и жителей деревни» прочесть ее «с пользой для себя» («Московский комсомолец» от 20/I 1960 г.). В. Люков и Ю. Панов, продолжает рецензент, «любят деревню, изучают ее, и у них есть свой угол зрения на нее», они «умеют видеть детали».

Не удивительно, что берешь в руки эту книгу и многого ожидаешь от нее. Увы, надеждам не суждено осуществиться!..

НЕТРУДНО с точностью назвать то место в романе, когда у читающего впервые возникнет чувство обманутого ожидания. Федор Горчаков едет в Сосновку, где ему предстоит работать, и дорогой расспрашивает мальчишку-возницу о колхозе. Конечно (!), «белобрысый паренек неплохо разбирался в крестьянских делах», и Федору ничего не остается, как испещрять свою записную книжку первыми пометками. Знакомая ситуация! Она повторялась в «колхозной» литературе так часто, что один фельетонист в руководстве для авторов-штамповщиков даже советовал начинать любое произведение с разговора между главным героем и возницей.

Не скупясь на мрачные краски, рассказывают авторы о бедственном положении колхоза «Маяк», не жалея резких, язвительных слов, обличают развалившего хозяйство председателя Тихомирова, районного секретаря, карьериста и бюрократа, Павлюкова. Но вступает в силу традиционное «но» романистов, и все круто меняется. Павлюкова и Тихомирова сменяют их заместители Костев и Горчаков. Чуткие к людям, деятельные, они с завидной легкостью одолевают трудности, оставленные в наследство незадачливыми предшественниками, и выводят район и колхоз в едва ли не передовые. Нужно ли добавлять, что оба они выступают в роли ясновидцев, предугадывающих и уже проводящих генеральную линию партии во всех областях колхозного строительства?

Нельзя сказать, что описанное в книге не встречалось в жизни. Встречалось. Более того, многократно уже изображалось во многих произведениях. И молодые авторы не прибавили к напечатанному ни свежих мыслей, ни новых наблюдений. Странным образом они усердно старались повторить уже напечатанное...

Встав на путь проторенный и облегченный, авторы всюду ищут разрешения заданных конфликтов в знакомых им по литературе схемах сюжета и характеров.

Скажем, может ли роман о современной деревне обойтись без своего деда Щукаря или, на худой конец, антоновского Глечикова? Авторы полагают, что не может: появляется дед Силантий, который, увеселяя читателя, попадает в невероятные трагикомические ситуации и в то же время олицетворяет «народную мудрость».

«Едва успел притворить за собой скрипучую дверь, как услышал голос диктора:

— ...О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР...

Силантий замер. Как был в исподней рубахе и кальсонах, так и сидел на приступке, вытягивая вверх длинную густую бороду, стараясь не проронить ни одного слова.

— ...для перехода к коммунизму требуется долгий ряд лет, — торжественно читал диктор...

...Силантий забыл одеться, в исподнем белье и в наброшенном на плечи пиджаке выбежал на улицу. Посреди площади глянул на себя и обмер...»

Как видим, и при заимствованиях у авторов не хватает вкуса и такта.

КАЖДЫЙ раз, как только авторы видят, что декларирование той или иной проблемы не «вытягивает» действия, что вокруг героя, носителя этой проблемы, образуется вакуум, требующий заполнения, они обращаются к спасительной... «клубничке».

«Вскоре пришла Глаша. Не стыдясь Чепурнова и не гася лампу, разделась, распустила перед зеркалом густые длинные волосы, наклонилась снять чулки, обнажив толстые белые бедра... От близости ее дебелого тела и выпитой водки, шумевшей в голове, им овладело желание».

«...Ночью она перебиралась со своей постели к Чепурнову. Он с трудом сдерживал отвращение к ее ласкам, нередко попросту отворачиваясь к стене. Глаша заигрывала с ним, крепко прижималась, обдавая жаром податливого рыхлого тела».

И чем дальше, тем больше похождения развратника Чепурнова, метания Горчакова между вдовушкой Натальей и вчерашней школьницей Машей Лосевой оттесняют «колхозную» линию романа, дискредитируя и опошляя ее.

Из главы в главу кочуют девушки, именуемые «девками», женщины, именуемые «бабами», в юбках с «высоко подоткнутыми подолами», в кофточках, которые «бугрятся на груди». Героинями «овладевают» в садах, сараях, на чердаках. Эпизодические герои растлевают несовершеннолетних.

Вольно или невольно, но В. Люков и Ю. Панов смотрят на своих героинь глазами одного из персонажей, для которого «высшее счастье человека заключено именно в обладании красивой женщиной. И даже не в телесном, а вот в таком зрительном обладании, когда острый глаз видит то, что другим недоступно, а хорошее воображение дорисовывает все остальное». Однако ни «острый глаз» авторов, ни их «хорошее воображение» не спасают нас от ощущения пошлости, которое возникает при чтении многочисленных описаний задранных «выше колен посконных юбок» и обнаженных «тугих икр» и т. п., и т. д.

«КЛУБНИЧКА», однако, не единственный способ заполнения пустоты. Авторы обильно «оснащают» свой роман сценами комедийными, вроде потасовки между Игнатом Петровичем и Чепурновым. Или трагическими: «опозоренная» Варя бросается в прорубь, работник прокуратуры Хренов (в конце романа он, по воле «рассеянных» авторов, оказывается нечистым на руку начальником какой-то артели) фабрикует «дело» на Федора Горчакова, на Федора же совершается покушение. Эту историю, не будь она рассказана всерьез, можно было бы принять за пародию на детектив.

В арсенале авторских «приемов» — традиционные картины пейзажа, растянутые, однообразные: ими начинается и заканчивается почти каждая глава, описания гуляний, плясок со всеми атрибутами «пейзанской экзотики»: дробным переплясом, взвихренными цветастыми сарафанами, мелькающими в воздухе платками и, наконец, сцены символические, вроде боя быков.

...На деревенской площади сходятся два быка: старый, «сутулый, с уже погасшим взором, с щуплой, как кошель нищего, мошной» Карпуха и молодой, похожий на «памятник, отлитый из пламенеющего металла», Уран. Первый испускает рев, в котором «и глухая неумная боль за невозвратное прошлое, и жажда вернуть это прошлое, и чувство бессилия и жалости к себе, и слепая ненависть к врагу». Второй готовится к нападению, так как «посрамленное самолюбие, наказанное преждевременное хвастовство и опозоренная честь взывали к мести».

«Рыцарский» поединок быков символизирует столкновение двух сил в колхозе: тех, кто, подобно Павлюкову или Игнату Петровичу, цепляется за старое, отмирающее, и тех, кто, подобно Костеву или Горчакову, помогает победе нового, молодого, растущего. Такое «разграничение» сил настойчиво подчеркивают в этой сцене сами авторы: Игнат Петрович безуспешно пытается помочь Карпухе, в то время как симпатии «народа» — толпы наблюдателей — на стороне Урана:

«— Так, так, Уранушка! Под дых его...»

ДО УДИВЛЕНИЯ неряшливо, торопливо написан роман «Дорогу осилит идущий». Создается впечатление, что В. Люкову и Ю. Панову просто некогда было думать о чистоте и яркости языка, искать слова емкие и точные. Смех у них непременно «искристый», припевка — «огнистая», улыбка — «лукавистая», человек — «норовистый» (как Горчаков) или «порывистый» (как Варя и Маша), дуб — «развесистый», фигура героини — «статная», глаза — «с лукавинкой», лицо — «беззаботное, румяное, словно яблочко», походка — «осанистая».

Скуден языковый багаж авторов. Потому и приходится варьировать на разные лады однажды сказанное.

«На душе у Игната Петровича мутно...», «В голове у Игната Петровича — ералаш и смятение», «На душе у Игната Петровича стало отчего-то также прохладно и пасмурно», «Пасмурно на душе у Игната Петровича».

Или:

«Во всем облике этого человека угадывалась усталость, но глаза говорили о том, что есть еще в этом крепко сбитом теле немало сил и скрытой энергии» — о Тихомирове.

«Сочная тридцатилетняя Наталья была полна бьющих через край неистраченных сил, молодости и природной бабьей красоты».

«Силой и уверенностью повеяло... от собранной, подтянутой фигуры приезжего» — о Горчакове.

Этот «силовой» вариант особенно дорог авторам. К нему прибегают они даже в таких описаниях: «Угол стены горбился, будто какая-то невидимая сила выпирала изнутри», «Та Сосновка, и вроде не та. Что-то неведомое распирает ее изнутри, словно напрягается она, наливается силами...».

В. Люков и Ю. Панов с легкостью сводят слова «провалилась» и «вывалившаяся», «довольный» и «с удовольствием», говорят о героях: «Он шел в общежитие и думал о смысле собственной жизни», «Все помыслы и стремления Полины Андреевны были там, за дверью», «Дочь рванулась всем своим нутром на зов баяна», «У нее среднерусское (!) лицо, прямой нос, свежие упругие щеки, точно наполненные фруктовым соком» и т. д., до бесконечности.

ОСТАЕТСЯ добавить, что роман «Дорогу осилит идущий» выпущен тиражом 75 тысяч экземпляров.

Это могло и не случиться, если бы издательство «Советская Россия» отнеслось к первой книге начинающих с должной требовательностью. Кто, как не издательство, мог своевременно указать В. Люкову и Ю. Панову на очевидные недостатки книги и, может быть, даже посоветовать для пользы дела начинать не с многопланового романа, а, допустим, с очерков или рассказов? Возможно, это было бы более по силам молодым авторам: ведь, как узнаем мы из предисловия, они много ездят, наблюдают жизнь, у них есть опыт журналистской работы и интерес к колхозной тематике. Значит, нужно растить, нужно воспитывать! Но воспитывать начинающих, предупреждал М. Горький, это прежде всего учить их «литературной грамоте, ремеслу писателя, технике дела, работе словом и работе над словом», не говоря уже о грамотности политической, о необходимом душевном багаже и фундаментальном знании жизни! Об этих горьковских традициях, о высокой ответственности перед народом уже не в первый раз забывает издательство «Советская Россия».

В. ОСКОЦКИЙ,
Вл. СТЕЦЕНКО

В. Люков, Ю. Панов. «Дорогу осилит идущий». Издательство «Советская Россия», М. 1959.

АЛЫЕ КОСЫНКИ

Когда работаешь и учишься, каждая минута дорога и на учете. Сверловщица Аня ПУКОВСКАЯ, она же студент-историк, выкраивает минуты для занятий даже в обеденный перерыв. Фотоочерк В. Тарасевича

НОВИНКИ

«ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ»

Маленькие книжки в ярких суперобложках украшены национальным молдавским орнаментом...

Это как бы визитные карточки молдавских литераторов — участников нынешней декады. Здесь хорошо представлены и поэты, и прозаики.

Взять, к примеру, сборник стихов одного из ведущих литераторов республики Емилиана Букова. Самое раннее стихотворение, включенное в сборник, датировано 1934 годом: «Ко мне в тюремное оконце пришло сегодня солнце вдруг...» Последние стихи относятся к 1959 году: «... А я горн из голоса своего делаю — ведь это мое личное дело».

В маленьком сборнике из отдельных штрихов рождается большая и интересная творческая биография писателя.

Книжка стихов Георге Менюна открывается поэтической «Автобиографией».

Хорошо подобраны стихи в сборниках Андрея Лупана, Ливиу Деляну, Петру Заднипру, Анатолия Гужеля и других.

Сборники прозаиков включают в себя, как правило, несколько лучших рассказов. Таковы книжки Самсона Шляху, Анны Лупан, Виктора Шевелова, Ариадны Шаларь, Николая Муратова, Александру Липкан представлен отрывками из романа «Дорога тополей».

На суперобложке читатель найдет портрет автора и краткую биографию.

Конечно, маленькие книжки не могут дать полного представления о творчестве того или иного писателя. Да это от них и не требуется. Их задача — познакомить читателя с автором. Хорошее дело сделало издательство «Картя Молдовеняскэ», выпустив к республиканской декаде «визитные карточки» литераторов.

ДИПЛОМАТИЯ И ПРАВДА

Джейме ОЛДРИДЖ,
английский писатель

КОГДА дипломатический корреспондент Би-Би-Си описывал недавнюю пресс-конференцию г-на Хрущева перед отъездом из Парижа, он чуть не плакал, рассказывая о том, как западные дипломаты стояли на протяжении всей пресс-конференции и записывали что-то в потрепанных блокнотах, совсем как простые репортеры. Это было ужасное зрелище, трагедия, страшный удар по традиционным формам дипломатии. Будучи не в состоянии выяснить, что же происходит, они пришли на пресс-конференцию Хрущева, чтобы увлечь что-нибудь, но никто не предложил им даже стула... Бедные дипломаты! Вот тут-то и обнаружилось, что они простые смертные. Их ритуальные обряды, их таинственные шаманские заклинания, их фокусы-покусы — все это гроша ломаного не стоит в сравнении с четким заявлением, ясно формулирующим, что в действительности происходит в мире.

В своей последней речи г-н Хрущев еще больше поубавил спеси этим старым жрецам дипломатии, обратившись непосредственно к народам всего мира. Хрущев прав, когда говорит, что в Совета Безопасности разбойника судили те, кто сам занимается разбоем, и что настоящим судьей будет мировое общественное мнение.

Но для того, чтобы быть в состоянии судить, нам (как и тем бедным дипломатам, которым пришлось постоять) необходимо узнавать от г-на Хрущева, что происходит в мире за всеми фасадами вежливости, ибо в противном случае мы будем знать обо всем только по слухам, по догадкам и вынуждены будем просеивать горы лжи, чтобы добыть крупинки правды.

Хотя последнюю речь г-на Хрущева можно назвать речью о политических событиях, она раскрывает и многое другое. Так, например, когда г-н Хрущев дает характеристику президенту Эйзенхауэру, мы знаем, что она совершенно справедлива, хотя в нашей части мира ни один из государственных деятелей не решится открыто и честно это признать. И все же они знают, что Хрущев прав, а г-н Макмиллан косвенным образом дачи с ним согласился. В своей речи 30 мая Макмиллан хотя и не нападал на президента Эйзенхауэра, но не выступил и в его защиту. Не сделал этого и президент де Голль. После недавних речей Хрущева как Макмиллан, так и де Голль относятся с большей осторожностью к публичному принятию каких-либо совместных решений с президентом, который изобличен перед всем миром как человек, не могущий самостоятельно решать что бы то ни было.

Мы, жители Англии, также сильно тревожимся по поводу баз, имеющихся на нашей территории. Пусть г-н Хрущев почаще напоминает нам о них. Мы слишком склонны предаваться спокойному существованию, забывая об опасном и почти не поддающемся контролю оружии, запасы которого рассеяны по всему нашему маленькому острову. Нам следовало бы проявлять больше беспокойства о том, что творится на нашей земле. Теперь мы встревожены и понимаем, что нам надо быть настороже.

Последняя речь г-не Хрущева оставляет такое впечатление, словно он хочет сказать: с нас довольно этой странной и достаточно циничной позиции, пытающейся определять судьбы мира, — позиции, согласно которой западные державы обладают неким таинственным, божественным правом решать, каким путем должен идти мир, а все остальные обязаны следовать за ними, как послушные овцы.

Эти времена явно миновали, и мы никогда больше не должны к ним возвращаться. В мире устанавливается новое соотношение сил, и впервые (пожалуй, впервые за всю историю человечества) силами, предопределяющими основу происходящих перемен, будут силы, обладающие самыми громкими и самыми чистыми голосами в мировой дипломатии.

ЛОНДОН. 1 июня. (По телеграфу)

В «СВОБОДНОМ» МИРЕ...

— Удобно греть руки на «холодной войне»...

СЛУЧАЯ В ВАШИНГТОНЕ

— Мы из психиатрической... Все говорят, что у вас тут «форрестолят»!..

Рисунки Н. Лисогорского

«Мы согласны!» — скажут американцы

Джозеф НОРТ,
американский писатель

СИДЯ солнечным майским днем в одном из московских парков, я прослушал передававшуюся по радио речь Никиты Сергеевича Хрущева в Кремле на совещании передовиков труда. И вот что мне хочется сказать по этому поводу.

То, что я, как рядовой представитель человеческого рода и рядовой американец, хочу мира, давно уже установлено. Я заявлял об этом с каждой трибуны, на которую мне только удавалось взобраться. Я горячо сочувствую тому, что говорит Хрущев — этот человек социализма. Заявляю это от своего собственного имени, как отец и как человек, любящий детей во всем мире. Советские ребятишки, играющие в эти золотые майские дни здесь, на моих глазах, очень похожи на американских ребятишек, которых я видел несколько дней назад, в солнечное воскресенье, играющими в Нью-Йоркском центральном парке.

Что еще поразило меня в речи премьер-министов Хрущева, — это его сообщение об отмене налогов. Должен вам сказать, мне это ужасно нравится! У нас в Штатах говорят, что на свете только две вещи неизбежны — «смерть и налоги». Нет ничего удивительного в том, что рабочее государство, показывающее пример всему миру своей энергичной борьбой за ликвидацию всяких войн, несет также смерть налогам. Благословенная мысль! Я вместе со 175 миллионами моих соотечественников по горло сыт налогами. Мы выплачиваем в виде всевозможных налогов около одной трети наших доходов, а они достаются тяжелым трудом,—поверьте мне, приобрести эти широко рекламируемые холодильники не так-то просто,—так вот, мы отдаем одну треть наших доходов на погашение открытых и замаскированных налогов, налогов, о которых мы знаем и о которых не подозреваем. Способов взимать налоги с американца существует намного больше, чем звезд на нашем флаге.

А затем эта треть нашего дневного заработка идет на производство самолетов «У-2», всевозможных ракет и других средств разрушения, в то время как наши дети дожидаются очереди, чтобы занять свое место в старых, ветхих школьных зданиях, где занятия проводятся в две или три смены.

Не удивительно, что, когда Хрущев заговорил о налогах, я сразу же навострил уши. Я давно уже плачу налоги, в человечество платит их с незапамятных времен. Помню, как на уроках древней истории в школе мы изучали памятники древнего Египта. В пиктографических надписях на глиняных табличках, на папирусах, на камнях пирамид—вы всюду видите деловитого человечка в белой юбочке до колен с дощечкой и остроконечной палочкой в руках — сборщика налогов, склонившегося, чтобы оценить скудные владения египетского крестьянина и высчитать налог, причитающийся с него в пользу фараона. Это наиболее раннее документальное свидетельство древней и прибыльной практики, краше у человека часть его труда, а следовательно, и часть его жизни. Сначала налог шел фараонам, этому первому племени вымогателей, а затем на протяжении веков — различным коронованным и облаченным в горностаевые мантии гангстерам истории. Только в социалистических странах налоги использовались на благо человека. И вот ныне первое социалистическое государство стало уже достаточно сильным, чтобы развиваться далее без налогообложения, освободиться от современных потомков того человечка в белой юбочке с дощечкой и остроконечной палочкой в руках. Благословенная мысль!

А сокращение рабочего дня — сначала до 7 часов, а затем, к 1964 году, — до 6! Это тоже великолепная вещь! Как человек, впервые познавший тяжкий труд на верфях Пенсильвании, я вспоминаю дни, когда мы работали по 10 часов. Как болели мышцы, как тянулось время, каким солнечным казался окружающий мир, когда я смотрел на него сквозь проделанные в корпусе корабля отверстия для заклепок!

Почему-то ни один из великих писателей мира не изобразил на бумаге так ярко, как мне бы этого хотелось, и с той полнотой, с какой они описывали таинства любви и войны и красоты природы, страшную боль в костях и мышцах, какую испытывает человек труда. Видимо, свойство, явившееся первейшим отличием человека от обезьяны — его способность трудиться, — писатели сумеют должным образом отобразить лишь в самую последнюю очередь. Но я с наслаждением думаю о 7, 6, а в дальнейшем и 5-часовом рабочем дне. При одной мысли об этом я чувствую, как спина моя распрямляется, в боли в суставах становятся легче.

Размышлял я и о великом творении Репина, на котором изображены запорожские казаки, сочиняющие ответ турецкому султану. Почему сердца советских людей жаждут мира, понять совсем нетрудно — ведь эти люди носят в сознании «план» земного рая. И они уже осуществляют этот план.

Я уверен, что выражаю мнение бесчетных миллионов американцев, когда приветствую вызов премьер-министра Хрущева на соревнование, которое покажет, чья экономическая система превзойдет другую по масштабам и темпам производства и сможет лучше удовлетворять нужды людей. Такое соревнование я предвкушаю с радостью. Я убежден, что рабочий на детройтском конвейере, горняк в питсбургской шахте, металлург в Янгстауне, скажут об этом: «Мы согласны!»

Один из игроков в гольф другому:
— Есть слух, что он собирается уйти в отставку и заняться политикой.

Рисунок художника Эйнлза из английской газеты «Дейли уоркер».

ТУРЦИЯ НЕ ОСТАНОВИТСЯ НА ПОЛПУТИ

Назым ХИКМЕТ

СВЫШЕ месяца назад в кабинет ректора Стамбульского университета профессора Садыка Сами Онара явился комиссар полиции. Он потребовал, чтобы немедленно была запрещена намеченная студентами демонстрация у памятника Ататюрку на территории университета. В ответ ректор заявил, что в стенах университета он не обязан подчиняться приказу полиции. Комиссар ударил профессора Садыка Онара пистолетом по голове, и тот упал без чувств. На шум прибежали студенты. Полицейский комиссар воскликнул: «Считаю до трех! Если вы не разойдетесь, я буду стрелять». Никто не двинулся с места. Раздались выстрелы. Один из студентов «получил» семь пуль. Комиссар продолжал стрелять. Замертво упало еще несколько человек. Студенты набросились на комиссара и линчевали его...

Так начались волнения народа на моей родине. В стране, где две трети населения неграмотны; где ежегодно более полутора миллионов детей не посещает школы; где в год умирает от туберкулеза 60 тысяч человек; где дороговизна растет изо дня в день. Волнения начались в стране, занимающей второе место в мире по нищете; где рабочие лишены права на забастовки, а руководители профсоюзов — агенты полиции; где у значительной части крестьян нет ни земли, ни сохи, ни быков; где разоряются не только кустари и ремесленники, но и те промышленники, которые не сотрудничают с иностранным капиталом или не стали агентами этого капитала; где попираются демократические права; где свобода печати, университетская автономия, право депутатов разговаривать со своими избирателями находятся под контролем полицейских револьверов и жандармских штыков: где тюрьмы полны патриотами — журналистами, рабочими, адвокатами, студентами.

Эта страна — Турция — сателлит американского империализма. Значительная часть ее бюджета расходуется на военные цели. В турецких казармах, морских и воздушных портах командуют янки. Американские самолеты-шпионы базируются на турецкой земле. Чтобы подавить всякую оппозицию, бывшие правители усилили давление на народ. Фашистский произвол Аднана Мендереса в последнее время принял такой размах, что стал беспокоить главарей НАТО и прежде всего США. Они опасались, что народ восстанет против этого произвола. Они хорошо понимали, что народ может выступить не только против внутренних порядков, но и против тех сил за границей, которые лишили страну ее национальной независимости.

Между двумя буржуазными партиями — правящей демократической партией Баяра — Мендереса и народно-республиканской партией Исмета Иненю — не было особенно существенных расхождений по важнейшим вопросам внешней политики. Однако Исмет Иненю отнесся одобрительно к прошлогоднему визиту Н. С. Хрущева в США, выступал за разрядку международной напряженности. В рядах оппозиционной народно - реслубликанской партии раздавались трезвые голоса по поводу возможных опасных последствий двустороннего американо-турецкого военного соглашения.

Вашингтон опасался растущего недовольства турецкого народа политикой милитаризации страны. Беспокойство главарей НАТО превратилось в панический страх, когда в конце апреля участники народных демонстраций вышли на улицы с лозунгами: «Свобода! Свобода!», «Долой Аднана Мендереса!», «Американцы, убирайтесь домой!»

В дни, когда в Анкаре полиция стреляла по демонстрантам, один из студентов поднялся на крышу университета и приспустил государственный флаг в знак траура по павшим товарищам. Молодой патриот был тотчас сражен полицейской пулей. Он шел на свой подвиг во имя свободы, во имя национальной независимости родины.

Аднан Мендерес пытался потопить в крови народное сопротивление. Но не смог. Армия нередко отказывалась стрелять в демонстрантов. В Анкаре, например, был такой случай. Начальник гарнизона пригрозил демонстрантам: если они не разойдутся, он будет вынужден дать приказ о применении оружия. Но демонстранты не расходились. Тогда он приказал майору, командиру воинской части, открыть огонь. Майор отказался. Начальник гарнизона сам отдал приказ солдатам. Но майор успел скомандовать: «Стреляйте в воздух!»

Атмосфера в стране накалялась с каждым днем. И вот 27 мая высшие офицеры, сторонники Исмета Иненю, арестовали премьер-министра Аднана Мендереса, который, по слухам, пытался бежать на самолете за границу, президента Джеляля Баяра, председателя меджлиса Коралтана, министра иностранных дел Зорлу и других руководящих государственных деятелей и взяли власть в свои руки. Они объявили, что совершили переворот, чтобы предотвратить гражданскую войну в стране, обеспечить проведение свободных выборов и предоставить народу демократические права.

В то же время руководители военного переворота заявили, что хотят вернуться к политике Ататюрка. Но вернуться к политике Ататюрка — это значит прежде всего вернуться к политике национальной независимости. В нынешних условиях это равнозначно политике нейтралитета. А для того чтобы предоставить народу демократические права, опять-таки прежде всего необходимо добиться национальной независимости.

Разве не первейший долг офицеров любой действительно национальной армии избавить свою страну от иностранного вмешательства?

Народное движение в Турции не остановилось, оно продолжается.

Профессор Садык Сами Онар возглавляет ныне комиссию по составлению проекта новой конституции. Восстановление демократических свобод откроет новый этап в развитии Турции. От всего сердца желаю моим соотечественникам успеха в их борьбе за демократизацию политической жизни страны, за укрепление национальной независимости.

ВОЛШЕБНИК ПОЭЗИИ

Семен КИРСАНОВ

У НЕЗВАЛА есть одно и нежное, и задорное стихотворение, которое называется «Мечтаю». На первый взгляд оно может показаться просто проявлением жизнерадостности и хорошего настроения. Но хотя в нем нет ни малейшей претензии на философичность и ни одна строчка не претендует на глубокомыслие, все же оно мне кажется глубоко содержательным, и с него именно хочется начать говорить о поэзии Витезслава Незвала.

Я сейчас приведу отрывок из него в переводе Константина Симонова:

Мечтаю, чтоб мир был с войной
незнаком,
Чтоб он и без крови был ярок!
Стихи мои пейте, как чай с молоком,
Я чашки пришлю вам в подарок!

Мечтаю, чтоб мир, как подвал гончара,
Пел глиняным дружеским хором.
Стихи мои весело ешьте с утра
С тарелок с моравским узором!

Не правда ли, как это далеко от символистской неясности и абстрактности? Живой и реальный мир вещей — тарелок и чашек, моравских орнаментов, молоко и чай — вот что ассоциирует поэт со своей поэзией.

При всей простоте этих стихов и, я бы сказал, их брутальной веселости в них сказано очень многое о смысле поэзии, о ее назначении, о том, к кому она обращена, что она значит для поэта и для людей на белом свете.

Сейчас Незвалу было бы 60 лет. Он родился в 1900 году в Моравии в селе Бискуповици. Его отец был учителем. Незвал учился в Праге, он окончил философский факультет Пражского университета.

Может быть, это лишь домысел, но мне кажется, что эти два этапа жизни Незвала — моравская деревня и Пражский университет — придали его поэзии две особенности, два свойства дополняющие одно другое. В поэзии Незвала всегда присутствуют и очаровательность сельской простоты природы и сельского быта, и высокая культура мысли, обогащенной глубокими познаниями. В его поэзии естественно сливаются и образы истории, и пейзажи детства. Но когда в поэмах Незвала звучат античные имена, философские термины или чудные географические названия, это не с овесное франтовство «интеллектувала»,— у Незвала это так же естественно как народные словечки, которые он так любит и так знает, где и как их пустить в оборот. Мастер сложнейших форм, и существующих, и им самим изобретенных, он говорит о себе с полным основанием:

Еще не знали греки букварей,
где нарисованы чернила, шапка, ручка
Иначе не был бы Гомер столь
патетичен.
Гомер — учитель тех, кто думает
о славе.

А та поэзия, которую люблю я,
идет от букваря.
Когда я счастлив, речь моя проста.

Когда я читал рукопись однотомника Незвала в переводах русских поэтов, меня удивляла многосторонность поэта, его богатая сложность, которая так естественно сочетается с простотой. Незвал очень сложен, и это удивляет нас, как удивляет нас сложность строения человеческого глаза с его миллионами зрительных клеток и как удивляет нас простой взгляд дорогих глаз. Незвал, способный нас вести по запутанным переулкам чувств и состояний, переносить из одного полушария в другое, вызывать образы незнакомых океанских глубин, с такой же естественностью ведет нас к местам своего детства, к речным берегам, поросшим вероникой и тростником, без какой-либо излишней приподнятости или пафоса говоря о своей привязанности и любви к земле, где он родился и рос:

Над Свраткою рекой вероника
в цветенье
И берега в густой траве и тростнике.
Купаться — счастье тут, бродить
тут — наслажденье
Над Свраткою рекой вероника
в цветенье.
Темна и холодна, как лед, вода в реке...
...Есть редкостней места и краше,
может статься,
Чем Сватки берега, не буду отрицать.
Но родиной ни с кем не стал бы
я меняться.
Есть редкостней места и краше,
может статься,
Но здесь моя земля, моя родная мать.

В поэзии Незвала бесчисленными мозаичными цветными стеклышками образов словно создан многооконный витраж его родной страны с пейзажами ее гор, лесов, рек, маленьких сел, городков и, наконец, Праги, столь дорогой поэту. Но это не просто поэтическая география или панорама пейзажей, вроде видового фильма. Всегда его пейзажи оживлены конкретной жизнью, добродушием людей, их обычаями и гостеприимством: здесь и гуси, взлетающие над деревней, но здесь и кофейня, и дружеский стол, и пивные кружки, и веселая беседа завсегдатаев. Незвал не перечисляет пейзажи своего детства или своего настоящего, он всегда их вновь переживает, то с веселостью и юмором, то с грустью об уходящей жизни, и всегда с мыслью о человеке, о его счастье и несчастье, о его отчаянье и надежде. Поэтому поэзия Незвала становится как бы поэтической энциклопедией чувств по отношению к своей родине. С самых начальных вещей Незвал становится на сторону простых людей и не скрывает своего презрения к тунеядцам, к людям — пузырям на поверхности чистой реки народа. Еще в 1925 году, через год после своего вступления в Коммунистическую партию Чехословакии, поэт провозгласил:

За революцию я отдал голос свой...

Читая Незвала, я не могу не вспомнить изумительные творения чешских мастеров стекла, не могу не вспомнить мысли, сопровождавшие меня на выставке чешского стекла, о том, что, вероятно, в рецептуру этих изделий, кроме известных ингредиентов — песка или серебра, наверное, входит и солнце Чехии и Словакии, каким-то волшебным образом сплавленное и светящееся в бокалах, вазах, цветных окнах, бисере и рукотворных самоцветных камнях. Это же самое солнце Чехии налито и в стихи Незвала.

Но, как и должно быть у поэта современности, любовь Незвала к родной земле — это часть любви всех людей к своим землям, к своим домам и семьям. Незвал любит любовь каждого человека к своей земле, он ищет сходства и близости в людях других стран. В Париже, взирая на Сену, которая ему представляется простой парижской прачкой, он не может не вспомнить свою Влтаву:

Прачка Сена плещет пеной,
Шепчет устало:
«Не звалась еще я Сеной,
А уже стирала...»
Сколько, Сена, у Влтавы общего
с тобой!
И на ней платочек, тоже, тоже голубой...

В будущем глубокий интернационализм чешского поэта взойдет на свою вершину: это будет шедевр Незвала — «Песнь мира». Прочтите «Песнь мира» — это калейдоскоп самой жизни, это поток ее светящихся частиц, где каждая похожа на маленький экран четверостишия, в котором быстро пробегает как бы крошечный фильм. В одном четверостишии мы узнаем чехаседовника около своей яблони, и старую колокольню, и родной лес с пеньем птиц, а в другом с необычайной лаконичностью Незвал вызывает образ Вены под зонтиком цветущих вишен. В четверостишиях неисчерпаемо возникают дорогие для Незвала образы и Эллады, и Мадрида, и каждая строфа этой Песни населена людьми, и не абстрактными Человеками с большой буквы, а настоящими людьми, с которыми можно поговорить или, как говорит Пабло Неруда, зайти в кино или красного выпить вина:

...Зову вас, прачки, мясники,
шахтеры с черными руками,
вас, девушки, пред зеркалами,
Вас, гончары, вас, горняки,
Пою песнь мира.

Вас за прилавками в мечтах,
вас, в белых пачках балерины,
вас, рядом с милыми, мужчины,
вас, мчащиеся в поездах,
Пою песнь мира.

Вас, сортировщики крупы,
Вас, кузнецы, вас, трамбонисты,
Простые люди с мыслью чистой,
Молчащие среди толпы,
Пою песнь мира.

Но Незвалу мало и этой конкретности профессий, возрастов, образов разных простых людей, ждущих мира. Ему надо назвать людей по именам. В этой поэме с любовью к Праге сочетается и благодарное чувство к другу, к советскому солдату, который не позволил гитлеровцам превратить Прагу в руины:

Пою о городе моем,
Он, если бы не помощь друга,
Лежал бы, как развалин груда,
Под звездным княжеским венцом.

Поэма «Песнь мира» представляет собой образец требовательного отношения к поэтическому слову. Поскольку каждое четверостишие представляет собой как бы маленькую поэму, каждое слово должно быть отобрано, как единственное, способное выразить мысль поэта или создать зрительное впечатление. Когда я работал над переводом «Песни мира», я в каждой строке чувствовал эту отобранность слов, этот строго избирательный подход мастера, может быть, ювелира к выбору камней, к их оттенку, весу, способности сочетаться и превращаться в законченное произведение.

Может быть, стоит теперь, когда Незвал предстает перед нами как удивительный мастер поэтического слова, «волшебник поэзии», как его назвал тов. Вацлав Копецкий в своей надгробной речи, может быть, теперь стоит по-другому подойти к его ранним стихам, которые были далеко не безделушками, а пробами гранильного искусства поэта. Без этих опытов и проб, в которых только искорками просверкивало мировоззрение поэта, не могло бы развиваться его многостороннее творчество, сияющее всеми гранями поэзии, наполненное свечением мысли, любовью к своей земле и ко всему человечеству, встревоженное его будущим и полное надежды.

Если биография поэта не заключена в его произведениях, то это не поэт. Но биография поэта — не перечисление фактов жизни, а их второе переживание. Все, чем жил Незвал, мы находим в его строчках. В них он и чех, влюбленный в историю и жизнь своего народа, в них он и революционер, нашедший в коммунизме счастливое будущее людей, в них он друг России и друг ее революции, и друг ее будущего. В своих поэмах он поборник мира и враг всех посягающих на ребенка, на дом, на сад, на тишину полей и на живой шум города. В них он человек, радующийся и грустящий, не всегда ясный, но всегда честный, говоря короче, в поэзии такой же, как в жизни.

В старинном городе, где встал
над статуями танк,
уже десять лет встречаюсь я с тобой,
советский танк.
И Прага — город городов — давно б
истлел в гробу,
Когда бы не ты, железный друг — танк
со звездой на лбу.

На горе Витков в Праге стоит памятник-мавзолей, посвященный Советской Армии. На его стенах четверостишия. Они написаны от имени погибших бойцов.

Друг мой, вдитален будь на земле,
под которой я стыну,
Право требовать это я смертью в бою
заслужил,
Я ушел на войну. Я убит в день
рождения сына.
Я убит, чтоб он жил. Я убит, чтоб
ты жил.

В другом четверостишии Незвал говорит от имени летчика:

Человек! Я хочу, чтоб с войною
повенчан ты не был,
Чтобы кровь моя самой последнею
кровью была.
Я, объятья раскрыв, как свобода, летел
к тебе с неба.
Парашют мой сгорел, но свобода
пришла.

В надписи, начертанной на стене как завещание простого сапера, поэт говорит людям, которые живут:

Побеждая, я умер. Я мост наводил
через реку.
И по мне, как по мосту, взбежала
победы заря
Если пал человек, чтобы жизнь
сохранить человеку,
Значит верно он жил. Значит умер
не зря.

В пластах, погребенных под землей и раскопанных археологами, люди находят плиты с высеченными на них иероглифами, клинообразными письменами, буквами рун и греческих мифов, в которых мы находим слова, открывающие нам мысли и взгляды и даже характеры людей, живших тысячелетия тому назад.

Я бы хотел, чтобы эти строки, посвященные Советской Армии, никогда не были засыпаны ни песком пустыни, ни залиты водой наводнений. Будущий человек, обращаясь к ним, обращаясь к книгам Незвала, узнает своего предшественника — сына небольшой, но прекрасной страны, немногочисленного, но богатого душою народа, человека, знавшего, что сказать и современникам, и потомкам.

Правление Литературного фонда СССР извещает о смерти писателя, члена Литфонда, **ПАСТЕРНАКА Бориса Леонидовича**, последовавшей 30 мая с. г. на 71-м году жизни после тяжелой, продолжительной болезни, и выражает соболезнование семье покойного.

Главный редактор С. С. СМИРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИА, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СУРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: во вторник, четверг и субботу.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм Москва Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-82, отделы: русской литературы — Б 8-99-33, искусств — Б 1-11-69, литератур народов СССР — В 8-58-17, внутренней жизни — К 4-06-05, международной жизни — К 4-03-48, зарубежной литературы и искусства — К 4-84-28, информации — К 4-06-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-66. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты» Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Б — 02412?